

МОСКОВСКИЙ
ПУШКИНИСТ

1837 — 1927

ВЕЩЕТАТСКИЕ
СУБЪОТЕИКИ

МОСКОВСКИЙ ПУШКИНИСТ

I

1 8 3 7 — 1 9 2 7

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ЦЯВЛОВСКОГО

★

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
МОСКВА ↗ 1927

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
Москва, Малая Грузинская,
Столярный пер., дом № 5-7.

Незадолго до своей кончины Михаилом Осиповичем Гершензоном было задумано издание сборника статей „Пушкинский Ежегодник на 1925 г.“, в котором, кроме разного рода статей и материалов о Пушкине, должны были быть часть „мемориальная“, посвященная жизни и творчеству Пушкина в 1825 году, и библиография литературы о Пушкине за 1924 год. Такой „Ежегодник“ Михаил Осипович предполагал издавать каждый год.

Мысль М. О. Гершензона встретила большое сочувствие среди московских пушкинистов, и в весьма короткое время пишущий эти строки, приглашенный Михаилом Осиповичем к участию в составлении „Ежегодника“, имел в своем распоряжении нужное для сборника количество статей. Но издать первый выпуск „Ежегодника“ не удалось ни весной 1925 г.—19 февраля скорострительно скончался инициатор всего дела М. О. Гершензон—ни осенью. Безуспешна была и в 1926 г. попытка издать поступившие ко мне статьи и материалы в виде сборника „Московский пушкинист“. И только теперь представляется возможность издать из имеющихся у меня материалов относящиеся к дуэли и смерти Пушкина, 90-летнюю годовщину

которой собираются отметить литературные организации Москвы и Ленинграда.

Настоящий сборник заключает в себе материалы, впервые появляющиеся в печати.

Публикуемая В. В. Гольцевым запись А. М. Голицына об авторстве анонимного „диплома“, в преддуэльной истории сыгравшего роль искры в пороховом погребе, проливает новый свет на эту темную историю и притом с самой неожиданной стороны: свидетелем выступает Александр П. Значение этого свидетельства с достаточной полнотой освещено В. В. Гольцевым. Дальнейшие разыскания теперь нужно вести в направлении установления общения князя П. В. Долгорукова с гр. М. Д. Нессельроде. По свидетельству П. А. Вяземского, Долгоруков был в числе тех „молодых людей наглого разврата и охотников до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части“, которыми окружал себя барон Геккерен. („Русский Архив“, 1888, кн. II, стр. 312). О дружеских же отношениях Геккерена с четой Нессельроде мы уже хорошо знаем. Таким образом, и тех сведений, которыми мы теперь располагаем, достаточно, чтобы утверждать, что анонимный „диплом“ мог быть продуктом совместного творчества гр. М. Д. Нессельроде и кн. П. В. Долгорукова.

Выдержки из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову (сообщение Е. Н. Коншиной), Е. А. Свербеевой (сообщение Н. В. Голицына) и В. А. Жуковскому (мое сообщение) дают ряд сведений о Пушкине в последние недели его жизни.

Прекрасно в своей строгой простоте письмо Я. М. Неверова к Грановскому о дуэли и смерти Пушкина. Среди многочисленных писем современников об этом событии письмо Неверова займет одно из видных мест.

Выдержки, сообщаемые В. Ф. Саводником, из дневника В. А. Муханова интересны прежде всего, как записи „слухов“, передававших успешные уже „нарасти“ на фактах, бывших в действительности, вымышленные подробности. Но есть в записях Муханова и заслуживающее серьезного внимания.

Наконец, статья В. С. Нечаевой, на основании найденных ею документов Гончаровского архива характеризующая Дантеса, как типичного дельца, не стесняющегося в средствах, чтобы сорвать с русских родственников деньги, прибавляет ценные черты в нравственный облик убийцы Пушкина.

М. Цявловский.

Москва.

14 января 1927 г.

К ИСТОРИИ ДУЭЛИ ПУШКИНА

Кто был автором анонимных писем?

I

На темный вопрос о том, кто был автором злопучного „диплома“, полученного Пушкиным, мы до сих пор еще не имеем окончательного и ясного ответа. Интересное исследование Б. Л. Модзалевского, содержащее в себе целый ряд весьма ценных указаний, все-таки не может служить разрешением загадки¹⁾.

О виновниках появления анонимных писем ходили самые разнообразные слухи. Как известно, в создании их подозревали бар. Геккерена-отца, кн. Ивана Сергеевича Гагарина, кн. Петра Владимировича Долгорукова и графа Сергея Семеновича Уварова. К этим ославленным именам, на основании публикуемого ниже отрывка из неизданной записной книги кн. А. М. Голицына, мы можем теперь присоединить имя гр. Марии Дмитриевны Нессельроде, жены министра иностранных дел гр. Карла Васильевича²⁾.

¹⁾ „Кто был автором анонимных писем“ в сб. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“. Л. 1924. Изд. „Атеней“.

²⁾ За разрешение опубликовать эти данные, а также за сделанные нам весьма ценные указания мы пользуемся случаем

Молва, обвиняющая гр. С. С. Уварова, создателя знаменитой формулы „православие, самодержавие, народность“, повидимому не располагала объективными уличающими данными. Это обвинение, основывавшееся повидимому лишь на взаимной неприязни поэта и министра, вообще точно и определенно сформулировано не было ¹⁾.

Невиновность старика Геккерена, после исследований П. Е. Щеголева ²⁾, покойного А. С. Полякова ³⁾, Б. Л. Модзалевского и графического анализа Б. Томашевского ⁴⁾, следует считать доказанной. Но на виновности И. С. Гагарина и П. В. Долгорукова нам бы хотелось остановиться. Их имена петербургское общество стало произносить, как известно, сразу после смерти Пушкина. Во время похорон поэта Александр Иванович Тургенев внимательно и напряженно, хотя и безрезультатно, следил, не обнаружит ли Гагарин признаков „смущения или угрызения совести“ при

выразить свою признательность В. М. и М. В. Голицыным. Рядом существенных советов мы обязаны М. А. Цявловскому.

1) О взаимоотношениях Пушкина и Уварова см. примечания Н. О. Лернера к эпиграмме „На выздоровление Лукулла“ в т. VI Венгеровского собр. соч. Пушкина; „Дневник“ Пушкина (февраль 1835 г.) и примечания к нему М. Сперанского (М. 1923) и Б. Модзалевского (П. 1923). См. также „Рассказы о Пушкине“, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым (ред. М. А. Цявловского). М. 1925, стр. 43.

2) „Дуэль и смерть Пушкина“.

3) „О смерти Пушкина“ (П. 1922), стр. 14—22.

4) „Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина“ („Новые материалы“, стр. 131 и след.).

прощании с покойником ¹⁾. По свидетельству дочери Пушкина, гр. Наталии Александровны Меренберг, авторами анонимных писем Н. Н. Пушкина-Ланская всегда считала Гагарина и Долгорукова ²⁾. Впервые эти обвинения были опубликованы А. Аммосовым в его брошюре о последних днях и кончине Пушкина ³⁾. На чем же они были основаны?

По свидетельству С. А. Соболевского, „главнейшим поводом“ к обвинению Гагарина послужило то обстоятельство, что бумага, на которой был написан роковой „диплом“, оказалась сходной с тою, какую употреблял в то время Гагарин. У Аммосова мы читаем: „Поводом к подозрению князя Гагарина в авторстве безымянных писем послужило то, что они были писаны на бумаге, одинакового формата с бумагой князя Гагарина“. Аммосов спешит добавить, что, находясь уже за границей, Гагарин признался, что „записки были писаны действительно на его бумаге, но только не им, а князем Петром Владимировичем Долгоруковым ⁴⁾).

Приведенные соображения едва ли можно принять в качестве решающего аргумента против Гагарина

1) „Русский Архив“, 1865, стр. 1034—1035. См. также записи в дневнике А. И. Тургенева.

2) „Новые материалы“, стр. 128. „Беседа М. И. Семевского с дочерью Пушкина“.

3) А. Аммосов.—„Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина.“ Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. Данзаса. Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1863.

4) Аммосов, стр. 9—10.

и Долгорукова. Ответ самого Гагарина можно считать вполне правдоподобным. „Я действительно приметил“,—пишет он,—„что письмо, показанное мне К [лементием] О [сиповичем] Р [оссетом], было писано на бумаге, подобной той, которую я употреблял. Но это ровно ничего не значит: на этой бумаге не было никаких особенных знаков, ни герба, ни литер. Эту бумагу не нарочно для меня делали: я ее покупал, сколько могу припомнить, в английском магазине, и вероятно половина Петербурга покупала тут бумагу“¹⁾.

Таким образом, из „оправдания“ И. С. Гагарина выясняется, что Аммосовское указание, будто бы он „признался“ в том, что пасквили были написаны на принадлежащей ему бумаге—не соответствует истине. Кроме того, Гагарин вовсе не указывал в свою очередь на Долгорукова, как на автора писем. Напротив, Гагарин, в том же „оправдании“, свидетельствует, что, живя „во время несчастной этой истории“ на одной квартире с Долгоруковым²⁾, он не приметил никаких доказательств его виновности. В разговоре с С. А. Соболевским, происшедшем в 1861 г., Гагарин старался оправдать Долгорукова³⁾. Следовательно, в книжке Аммосова содержится несомненная клевета на Гагарина⁴⁾.

1) См. „Оправдание иезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина“.—„Русский Архив“, 1865 г., стр. 1036. (Перепечатано из „Биржевых Ведомостей“, 1865 г., № 154).

2) На Миллионной.

3) „Новые материалы“, стр. 25.

4) См. Письмо к редактору „Современника“ П. Долгорукова в т. ХСVIII „Современника“ (1863 г., кн. 9, стр. 199). Помещено редакцией без всяких комментариев.

Вторым аргументом для обвинений Гагарина и Долгорукова служило то обстоятельство, что на конверте „диплома“, полученного К. О. Россетом, „подробно описан был не только дом его жительства, куда повернуть, взойдя на двор, по какой итти лестнице и какая дверь его квартиры. Сии подробности, неизвестные Геккерену, мог ли только знать эти два молодые человека, часто посещавшие Россета“¹⁾.

Едва ли и это обвинение можно признать серьезным и достаточно убедительным. Подробности относительно месторасположения квартиры К. О. Россета могли знать не только Гагарин и Долгоруков, но и другие его знакомые. Правда, в „рассказах“ Аркадия Осиповича Россета про Пушкина, записанных П. И. Бартеневым и просмотренных самим рассказчиком, имеется следующее указание: „Князя Г [агарин] и Д [олгоруков] посещали иногда братьев Россет, живших вместе с Скалоном на Михайловской площади в доме Занфтлебена. К. О. Россет получил анонимное письмо и по почерку стал догадываться, что это от них“²⁾.

Наконец, в глазах петербургского общества подозрение на Гагарина „подкреплялось еще тем, что он был очень мало знаком с Пушкиным и казался очень убитым тайной грустью“ после смерти поэта³⁾. Последовавшее (в 1843 г.) вступление И. С. Гагарина

1) Из памятных записок Н. М. Смирнова—„Русский Архив“, 1882, кн. 2, стр. 235.

2) Там же, стр. 248.

3) „Русский Архив“, 1882, кн. 2, стр. 235.

в ахсоланскую обитель ордена иезуитов, по мнению многих, объяснялось мучениями совести за совершенное им преступление.—Неосновательность и необидительность подобных подозрений бросается в глаза ¹⁾).

Быть может, не все обвинения, выдвигавшиеся против Гагарина и Долгорукова, дошли до нас, но все же нам представляется странной та доверчивость и легкость, с которой тогдашнее общество приняло и распространяло приведенные выше весьма мало доказательные обвинения. По указанию П. Е. Щеголева, повидимому, лишь один М. Н. Лонгинов печатно высказал Аммосову порицание за пред'явление обвинения без всяких доказательств ²⁾). Критик „Современника“ К. Петров, отпуская несколько иронических замечаний в сторону Аммосова, „имя которого встречалось под двумя, тремя убогими стихотворениями“, все-таки почти дословно повторяет Аммосовскую версию ³⁾).

II

Как известно, объяснения Гагарина и особенно Долгорукова далеко не всем показались заслуживающими доверия. Так, например, Петр Иванович Бартнев, перепечатывая у себя в „Русском Архиве“ письмо Гагарина, замечает, что „оба оправдания как это, так и указанное нами—П. В. Долгорукова, равно

¹⁾ См. Щеголев „Князя И. С. Гагарина и П. В. Долгоруков в деле Пушкина“ („Дуэль“, стр. 421—422).

²⁾ Там же, стр. 416.

³⁾ „Современник“, т. ХСVI. 1863, июнь, стр. 317.

не убедительны. Оба отрекаются, ссылаясь лишь на свои знакомства и на собственную честность" ¹⁾). Но нам остается повторить вопрос, поставленный П. Е. Щеголевым: „в сущности, какие же доказательства могли они привести, и не лежит ли тяжесть доказательств на тех, кто пред'являет к ним подобные обвинения" ²⁾).

Трудность их положения обуславливалась еще целым рядом привходящих обстоятельств. Ведь И. С. Гагарин с 1843 г. безвыездно жил за границей, и его переход в католичество был встречен в России весьма неодобрительно. Следует напомнить, что некоторые лица отказывались верить „оправданию" Гагарина главным образом потому, что он стал иезуитом ³⁾). Что же касается Долгорукова, то он, как известно, издав в 1841 г. за границей, под псевдонимом гр. Альмагро, разоблачительную брошюру „Notices sur les principales familles de la Russie“, был вызван в Россию, арестован и сослан в Вятку, где пробыл до 1844 г. Тайно скрывшись в 1859 г. за границу, он издал там в 1860 г. книгу „La vérité sur la Russie“, в которой он в весьма резком тоне говорил о необходимости упразднения III Отделения, высказывался за введение в России конституционного строя и т. д.

1) „Русский Архив“, 1865, стр. 1031.

2) „Дуэль“, стр. 421.

3) См. у Щеголева указание на брошюру П. Устимовича („Дуэль“, стр. 421). Даже К. Петров в Некрасовском „Современнике“ язвительно назвал Гагарина „достойным последователем Лойолы“ (т. ХСVI, 1863, июнь, стр. 319).

Отказавшись подчиниться правительственному предписанию вернуться в Россию, Долгоруков был в 1861 г. заочно присужден к лишению всех прав состояния, титула и к пожизненному изгнанию. В ответ на это он написал на шумевшее на всю Европу письмо Александру II¹⁾.

Не беря на себя защиту Долгорукова, мы все-таки считаем нужным отметить, что при резко отрицательном отношении николаевского правительства на него было очень легко и удобно возвести какие угодно обвинения.

В настоящее время вопрос о виновности Гагарина, за отсутствием прямых и неопровержимых обвинений, можно считать решенным в отрицательном смысле. Даже Н. А. Меренберг указывает, что „ему еще можно было верить“²⁾. Н. С. Лесков счел необходимым на страницах „Исторического Вестника“ высказаться в защиту Гагарина. В статье „Иезуит Гагарин в деле Пушкина“ он поделился своими впечатлениями от парижских встреч с Гагариным за год до его смерти, т.-е. в 1881 г. Последний, считавший себя жестоко и незаслуженно оклеветанным, произвел на Лескова благоприятное впечатление³⁾. Известно, что и И. С. Аксаков также верил словам Гагарина⁴⁾. Из

1) См. статьи М. К. Лемке „П. В. Долгоруков в России“ и „П. В. Долгоруков—эмигрант“ („Былое“, 1907, февраль и март), а также статью С. Блеклова в 18 томе словаря Гранат.

2) „Новые материалы“, стр. 129.

3) „Исторический Вестник“, 1886, июль, стр. 269—273.

4) Это видно из ответного письма Аксакова Лескову. См. там же, стр. 273.

опубликованного Б. Л. Модзалевским письма С. А. Соболевского к князю Семену Михайловичу Воронцову выясняется, что у друга Пушкина, после разговора с Гагариным в 1861 г., не осталось и тени подозрения: „я слишком люблю и уважаю Г[агарина], чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение“¹⁾. На полях записанного П. И. Бартевым рассказа Александры Ивановны Васильчиковой о последней дуэли Пушкина, против указания: „В анонимных письмах участвовал еще и Гагарин, удалившийся после на Запад и перешедший в иезуиты“—Соболевский сделал отметку: „Твердо уверен, что это клевета“²⁾.

С вопросом о виновности Долгорукова дело обстояло и обстоит значительно сложнее. В то время, как Гагарин производил обычно впечатление благоприятное, Долгоруков был известен, как человек весьма низкого морального уровня, нередко лгавший и не заслуживающий доверия. Общеизвестен переданный П. И. Бартевым факт, что однажды в Петербурге в зимний сезон 1836—37 гг., на одном из больших вечеров, гр. Владимир Федорович Адлерберг заметил, что стоящий сзади Пушкина Долгоруков „кому-то указывал на Дантеса и при этом подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами. В это время в Петербургском обществе уже ходили безымянные письма, рассылаемые к приятелям Пушкина для передачи ему и содержавшие в себе извещение о поступлении

1) „Новые материалы“, стр. 25.

2) „Рассказы о Пушкине“, М. 1925, стр. 39.

Пушкина в так называемое общество роконосцев¹⁾. У Соболевского „была тысяча мелких поводов“ предполагать, что „жестокое дело“ написания анонимных писем исходило от Долгорукова²⁾. Соболевский допускал, что Долгоруков, живший в то время на одной квартире с Гагариным, свободно мог воспользоваться бумагой последнего. Следует отметить, что и в этом случае обвинение вертится вокруг весьма шатко обоснованной версии о тождественности бумаги, на которой были написаны пасквили, с бумагой Гагарина. По вопросу о создателе „диплома“ князь Петр Андреевич Вяземский, как известно, предполагал, что Долгоруков был в состоянии „сделать эту гнусность“, но в то же время он считал обвинение „еще не доказанным“³⁾. Вспомним, что Герцен в 1862 г. на страницах „Колокола“ выступил в защиту Долгорукова⁴⁾.

Б. Л. Модзалевский в своем ценном исследовании „Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина“, на которое нам уже приходилось неоднократно ссылаться, в сущности не приводит новых объективных доказательств виновности Долгорукова. Положения ученого пушкиниста сводятся к тому, что такой

1) Из записной книжки „Русского Архива“. Помещено П. И. Бартеневым с отметкой: „Слышано от покойного графа В. Ф. Адлерберга“ в книге 8 за 1892 г., стр. 489.

2) „Новые материалы“, стр. 24.

3) „Русский Архив“, 1901, книга III, стр. 255.

4) См. „Былое“, 1907, март. Статья П. Е. Щеголева: „П. В. Долгоруков“.

действительно беспринципный и даже аморальный человек, как Долгоруков, мог совершить подобный поступок.

III

Неизданные записки князя А. М. Голицына проливают значительную долю света на загадочное и темное дело об анонимных письмах.

Рукопись представляет собою переплетенную в желтую кожу тетрадь, содержащую 144 нумерованных страницы, при чем оборотные их стороны лишены пагинации и почти всюду оставлены незаполненными. Бумага плотная, голубоватого цвета (размер $23\frac{1}{2} \times 37\frac{1}{2}$ сент.), имеет водяные знаки в виде надписи: „Comp. W. Howard export“ и торгового клейма фирмы. Записки эти, как явствует из сделанной в начале текста надписи, начаты были в 1900 г., велись несомненно не систематически, располагались на страницах не в хронологическом порядке и окончены были не ранее 1908 г. Автор записок, родившийся в Москве 22 мая 1838 г., был церемониймейстером и звенигородским уездным предводителем дворянства, но нигде не служил. Между прочим, он хорошо знал С. А. Соболевского, П. П. Вяземского и отчасти П. А. Вяземского (в старости). Умер он в преклонном возрасте 5 мая 1919 г.¹⁾

¹⁾ Сведения об А. М. Голицыне см. „Род князей Голицыных“. Сост. Н. Н. Голицын. Том I, Спб. 1892, стр. 210. Отец его, Михаил Федорович (1800—1873) был, между прочим, главным директором Моск. Голицынской больницы.

На стр. 112 записок мы читаем:

„Государь Александр Николаевич у себя в зимнем дворце за столом, в ограниченном кругу лиц, громко сказал: *Eh bien, on connait maintenant l'auteur des lettres anonymes, qui ont causé la mort de Pouchkine; c'est Nesselrode*¹⁾).

Слышал от особы, сидевшей возле государя.

Соболевский подозревал, но очень нерешительно, князя П. В. Долгорукова“.

Не подлежит сомнению, что мы имеем здесь свидетельство исключительного значения. К сожалению, А. М. Голицын не указывает имени того сановника, от которого он получил эти сведения, и не снабжает свое сообщение какой-либо датировкой. Но, по счастью, брат автора записок, ныне здравствующий Вл. М. Голицын, бывший московский губернатор и городской голова, сообщил нам, что это мог быть только или министр двора граф Александр Владимирович Адлерберг (1818—1888) или его двоюродный брат граф Эдуард Трофимович Баранов (1811—1884), любимец Александра II, приходившийся родным дядей автору записок.

Однако нам остается неясным, кого из Нессельроде назвал Александр II: графа ли Карла Васильевича, или его жену Марию Дмитриевну. Судя по правословию, мы должны допустить, что дело идет о мужчине, а не о женщине. Но, с другой стороны, непосредственное участие в создании „диплома“ министра

¹⁾ Ну так вот теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде.

иностранных дел нам представляется довольно сомнительным и маловероятным. Скорее в этом поступке могла быть виновна его жена.

Ни для кого не было секретом, что Пушкин и графиня М. Д. Нессельроде находились друг с другом в самых плохих и даже враждебных отношениях ¹⁾. Как известно, предполагалось, что причиной ненависти этой злопамятной и опасной женщины к Пушкину послужила приписываемая перу последнего эпиграмма, в которой был задет ее отец, министр финансов граф Д. А. Гурьев (1751—1825):

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ... и т. д.

Воспитанная на заграничный лад, русской литературой М. Д. Нессельроде, повидимому, совершенно не интересовалась. Нам представляется небезынтересным привести два отрывка из ее писем к сыну Дмитрию Карловичу. В письме из Петербурга от 18 января 1840 г. она писала, между прочим, следующее: „Со вчерашнего дня я в тревоге за Баранта, которого люблю: у сына его месяц тому назад была дуэль с гусарским офицером: дней пять только это и стало известно“. В письме от 28 февраля того же года мы читаем: „Я тебе сообщала о дуэли Баранта: офицер Лементьев под судом, а его секундант, который себя выдал, под арестом“ ²⁾. Не удивительно, если

¹⁾ А. Поляков, стр. 23—24, а также примечания к Дневнику Пушкина Б. Л. Модзалевского (П. 1923, стр. 75) и В. Ф. Саводника (М. 1923, стр. 230—231).

²⁾ „Русский Архив“ 1910, кн. 5, стр. 127 и 128.

великосветская дама, для которой имя Лермонтова решительно ничего не говорило, и своего врага— Пушкина оцепивала лишь как запоздалого и неудачливого камер-юнкера.

Несомненно, что Пушкин в свою очередь совершенно не переносил М. Д. Нессельроде. По свидетельству Павла Петровича Вяземского, эта женщина „самовластно председательствовала в высшем слое петербургского общества и была последней, гордой, могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в Сенжерменском предместьи Парижа, в салоне кн. Меттерних в Вене и в салоне гр. Нессельроде в доме Министерства Иностранных Дел в Петербурге. Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитного олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эниграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски“¹⁾.

У Пушкина были и чисто-личные побуждения ненавидеть М. Д. Нессельроде. Однажды, по приезде Пушкина в Петербург, последняя без ведома поэта повезла его жену на придворный вечер в Аничковом дворце. Пушкин пришел от этого в бешенство и „наговорил грубостей графине“²⁾. Самого графа Нессельроде Пушкин также не любил и отзывался о нем,

1) Собрание сочинений П. П. Вяземского. С.-Пб. 1893 г., стр. 562—563.

2) „Рассказы о Пушкине“, стр. 42.

как о человеке, способном на некрасивые и непорядочные поступки. В „Дневнике“ поэта под 14 декабря 1833 г. мы читаем:

„Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормление своих голодных крестьян.—Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отратить от них голода. Все это очень соблазнительно. В обществе ропщут—а у Нессельроде и Кочубей будут балы (что также есть способ льстить двору)“¹).

Не исключена возможность, что нечто подобное Пушкин высказывал вслух, и это могло дойти до супругов Нессельроде.

Помимо приведенного выше свидетельства Александра Ц, мы не располагаем никакими прямыми доказательствами виновности М. Д. или К. В. Нессельроде в деле Пушкина. Но ряд косвенных на то указаний все-таки имеется.

Сам Пушкин, как это явствует из письма его к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г., подозревал в создании пасквилей Геккерена—отца. Но в воспоминаниях В. Соллогуба имеется следующее, весьма интересное указание о Пушкине: „В сочинении присланного ему всем известного диплома он подозревал

¹) Цитируем по изданию Румянцевского музея. М. 1923 года, стр. 39—40.

одну даму, которую мне и назвал¹⁾). Наиболее вероятным нам представляется предположение, что Пушкин разумел здесь именно — Нессельроде. Подозрение на Геккерена, родившееся, по всей вероятности, позднее, не может ли быть в значительной мере объяснено общей раздраженностью поэта против голландского посланника²⁾).

Из опубликованной А. С. Поляковым записки Л. Геккерена к Дантесу видно, что у графа Нессельроде имелся на руках экземпляр анонимного письма³⁾. Из этой же записки далее выясняется, что „*M-me de N*⁴⁾ *et la comtesse Sophie B*“⁵⁾ имели какое-то отношение к делу Пушкина — Дантеса и были хорошо о нем осведомлены. Весьма примечательным и не говорящим в пользу супругов Нессельроде является тот факт, что эта записка не была приобщена к делу Военно-судной Комиссии и не возвращена Геккерену-отцу, а оказалась запрятанной в Секретный Архив III Отделения. Невольно напрашивается мысль, что здесь имело место чье-то желание спрятать концы в воду. Любопытно, что в „Подлинном военно-судном деле 1837 г.“ о дуэли Пушкина с Дантесом (С.-Пб., 1900) не содержится ни одного документа, в котором бы упоминалось имя Нессельроде. Наконец, в „Записках“

1) „Русский Архив“. 1865 г. М. стр. 757 и след. Разрядка мая. В. Г.

2) Ср. Поляков, стр. 21—22.

3) Там же, стр. 17—18.

4) Очевидно, М. Д. Нессельроде.

5) Повидимому, С. И. Борх.—См. там же, стр. 24—25.

А. О. Смирновой мы читаем: „Это не Нессельроде распространили сплетни,—ничто не может быть так мало на них похоже. Вяземский не любит графини Нессельроде, и он приписывает ей то, чего нет“¹⁾.

Разумеется, относиться с большой доверчивостью к словам А. О. Смирновой нам—не приходится, но, повидимому, все-таки какие-то подозрения по поводу участия супругов Нессельроде в деле Пушкина—Дантеса и тогда уже существовали в петербургском обществе. Все эти данные, как мы полагаем, подтверждают косвенным образом указание Александра II на Нессельроде, как на автора анонимных писем²⁾.

Из воспоминаний Соллогуба выясняется, что в Вене целую зиму существовал особый род забавы—рассылать печатные бланки „с различными шутовскими дипломами на разные нелепые звания“. У виконта д'Аршиака имелся печатный образец „диплома“, посланного Пушкину. М. Д. Нессельроде, разумеется, ничего не стоило получить образцы этих бланков.

Нам представляется возможным построить в заключение следующую гипотезу, по существу не противоречащую мнению Б. Л. Модзалевского, но перемещающую тяжесть основной вины: инициатором пасквилей была М. Д. Нессельроде; самое написание их она могла поручить П. В. Долгорукову.

В. Гольцев.

¹⁾ „Записки А. О. Смирновой“, ч. II, стр. 22.

²⁾ Материалы, содержащиеся в восьмитомном архиве Нессельроде (Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Paris. A. Lahure) естественным образом не проливают никакого света на дело об анонимных письмах.

ИЗ ПИСЬМА А. И. ТУРГЕНЕВА К Е. А. СВЕРБЕЕВОИ.

St. Pétersbourg, ce 21 Décembre.
1 Janvier.

...Je ne vous ai pas écrit, parce que l'occasion me manquait de penser tout haut avec vous, et ne pas vous dire tout est un tourment plutôt qu'une jouissance. Votre nom est souvent répété dans les salons que je fréquente le plus. Wiazemsky et bien d'autres vous rendent justice, par exemple les Karamzine, et ce consentement tacite et de vive voix avec une de mes plus chères convictions me les rend encore plus chers. Je vous porte une amitié si vraie et si tendre qu'il m'est doux de vous le dire. Je vous raconterai après et bientôt, j'espère, mes rapports sociaux à St. Pétersbourg, mais rien ne me retiendra ici un jour de plus qu'il ne faut pour mes petites affaires. J'en ai assez de St. Pétersbourg. Mon coeur me porte vers Moscou où il trouve plus d'éléments pour la vie intime et confiante. Vous me manquerez partout, encore plus ici... Pouchkine est mon voisin, il est rempli d'idées, et nous nous convenons beaucoup dans nos interminables babils; d'autre le trouvent changé, préoccupé et ne fournissant pas sa part à la conversation qui était belle autrefois; mais je

ne suis pas de ce nombre, et nous avons de la peine de finir un sujet tout en ne le finissant, c'est-à-dire en ne l'épuisant jamais; sa femme est belle partout, au bal comme dans son large manteau noir chez elle. Le promis de sa soeur est très malade, il ne voit pas les Пушкинъ. Nous causerons de tout cela au coin de votre feu...

Перевод: С.-Петербург, 21 декабря 1836 г. 1 января 1837 г. Я не писал вам, потому что у меня не было случая думать с вами вслух, а не говорить вам всего есть скорее терзанье, чем удовольствие. Ваше имя часто повторяют в гостинных, которые я более всего посещаю. Вяземский и многие другие, напр. Карамзины, отдают вам справедливость, и это молчаливое и устное согласие с одним из моих самых глубоких убеждений делает их мне еще более дорогими. Я питаю к вам такую истинную и нежную дружбу, что мне сладко говорить это вам. Я впоследствии и, надеюсь, вскоре расскажу вам о моих общественных отношениях в С.-Петербурге; но ничто не удержит меня здесь одним днем больше, чем нужно для моих мелких дешишек. Довольно с меня С.-Петербурга. Сердце мое влечет меня в Москву, где оно находит больше элементов для жизни интимной и исполненной доверия. Вы всюду будете мне недоставать, а всего более здесь... Пушкин мой сосед, он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озбоченным и не вносящим в разговор ту долю, которая прежде была так значительна. Но я не из числа

таковых, и мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности не заканчивая, то-есть не исчерпывая ее никогда. Его жена всюду красива, как на балу, так и у себя дома в своей широкой черной накидке. Жених ее сестры очень болен, он не выдается с Пушкиными. Мы обо всем этом поговорим у вашего домашнего очага...

Дм. Ник. Свербеев (род. 8 сентября 1799 г., ум. 13 февраля 1874 г.) и жена его Екатерина Александровна, рожд. кж. Щербатова (род. 25 марта 1808 г., ум. 25 октября 1892 г.) принадлежали к числу наиболее образованных людей московского общества. В 1840-х годах в их доме собирались представители обоих господствующих направлений русской мысли, славянофильства и западничества, здесь же бывали Гоголь, А. И. Тургенев, Чаадаев, Языков. В 1899 г. были изданы „Записки“ Д. Н. Свербеева в 2 томах, с предисловием Д. Х., содержащим характеристику Свербеева. Часть переписки Свербеевых сохранилась, и ныне находится в рукописном отделении Всесоюзной Академии Наук и в Пушкинском доме в Ленинграде. Настоящее письмо печатается по копии из этого собрания.

А. И. Тургенев был связан с Свербеевыми тесной дружбой; из-за границы он адресовал Е. А. Свербеевой обширные письма, предназначенные для прочтения всеми его московскими друзьями; эти письма он сам называл „циркулярами“. Когда он умер (в 1845 г. в Москве), все бумаги его были взяты четой Свербеевых

на хранение и затем отправлены за-границу его брату Н. И. Тургеневу. А. И. Тургенев, вопреки выражаемому им в настоящем письме желанию скорее уехать обратно, остался в С.-Петербурге (он жил в известной гостинице Демута на Б. Конюшенной, очень близко от квартиры Пушкина на Мойке) до самой смерти Пушкина и сопровождал его прах в Святоторский монастырь; записи его дневника об этом напечатаны в книге П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 269—276. Дантес объявлен женихом Е. Н. Гончаровой 20 ноября 1836 г.: весь конец декабря он был болен, и только 3 января 1837 г. его велено вновь считать числящимся по полку как выздоровевшего. 10 января состоялось бракосочетание его с Екат. Ник. Гончаровой.

Близость А. И. Тургенева к Пушкину, начавшаяся еще со времени пребывания Пушкина в Царскосельском лицее, куда Пушкин поступил благодаря хлопотам Тургенева, поддерживалась в течение всей жизни Пушкина, ни разу не омраченная никакой размолвкой. В 1836 г. Тургенев печатает в „Современнике“ Пушкина свою „Хронику русского в Париже“.

Н. В. Голицын.

ПИСЬМО А. И. ТУРГЕНЕВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Усерднейший собиратель архивных материалов по истории России и неутомимый путешественник, о котором с не меньшим основанием, чем об Александре I, можно сказать, что он „всю жизнь провел в дороге“ — А. И. Тургенев, приехав летом 1836 г. из-за границы, где он прожил более года, в Москву, в конце июля уехал в Симбирскую губернию. 5-го октября он вернулся в Москву, откуда 27-го ноября приехал в Петербург, где и пробыл до 4 февраля 1837 года, когда с гробом Пушкина уехал в Святогорский монастырь. Похоронив Пушкина (6-го февраля), Тургенев из Пскова вернулся 9-го в Петербург, откуда 23 марта выехал в Москву, куда и приехал 27-го. На другой день по приезде Тургенев написал В. А. Жуковскому такое письмо:

Жуковскому ¹⁾.

Москва, 28 марта 1837 г.

Статс-секретарь бар. Корф, от'езжающий весьма скоро за границу, ²⁾ за несколько дней до

¹⁾ Надпись „Жуковскому“ объясняется тем, что письмо было вложено вместе с другими восемью письмами разным лицам в пакет, адресованный упоминаемому в письме Фед. Ив. Прянишникову (1793 — 1867), петербургскому почт-директору в 1835—1854 гг. См. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 29 марта 1837 г. в „Остафьевском архиве“, т. IV, Спб. 1899, стр. 3.

²⁾ Здесь и дальше слова, набранные в разрядку, в подлиннике подчеркнуты.

моего отъезда, сказал мне, что Пушкин перед смертью ссудил его разными, старинными и весьма интересными книгами о России (для чтения во время болезни) и что он желал бы возвратить их, но не знал кому; я наименовал тебя и себя; два раза напоминал ему; он продолжал—обещать. Вероятно между сими книгами и требуемый казною — К о р б: „Diarium in Moscovia“. Если не прислал, то сошлитесь на меня и вытребуйте все.

Может быть найдется у вас и Песнь о полку Игореву, in 4, в бумажке, с отметками карандашом Итальянского. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни. Пожалуста поищите. Пропадет, и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего; да и объяснения—по восточным языкам—важны.

Я просил о сем кн. Одоевского и Краевского и повторяю мою просьбу, к коей присоединяю и дружю. Пушкин за день до дуэля подарил мне свои повести с отметкою его руки на заглавии (вместо 1-й части написано 2-я), отыщите и ее и пришлите ко мне—и 3-е на столе у него лежала доставленная мною из Италии книженка с свободолюбивыми итальянскими песнями. Я не желал бы, чтобы она (с моею отметкою) валялась или перешла в другие руки; да и в ней отметил кое-что Пушкин и обещал мне ее возвратить. Запечатав в один пакет, все, что отыщется, отдайте Федору Ив. Прянишникову, а он все перешлет ко мне.

Я доехал в 4 суток и 9-ть часов. Снег был песком для колес. Живу на старом пепелище, и уже соби-

раюсь в дальнейший путь; но прежде 6 недель не отделаюсь от Москвы и не переделаю дел. Обнимаю тебя всюю душою, брате и друг сороколетний. Вспомни о нас в Сибирске, на венце, о чем пишу и к Арсеньеву.

Да пожалуста берегите [замазано чернилами несколько слов].

А. Т.¹⁾

А. И. Тургеневу мы обязаны уже многими сведениями о Пушкине, рассыпанными в многочисленных письмах этого жадного ко „всем впечатленьям бытия“ человека, всю жизнь испытывавшего органическую потребность рассказывать о виденном и слышанном друзьям и знакомым. В частности, дни предсмертной болезни поэта, его кончина, отпевание и похороны описаны Тургеневым в ряде писем, опубликованных в VI вып. „Пушкин и его современники“. Печатаемое Н. В. Голицыным в настоящем сборнике письмо Тургенева к Свербеевой говорит о том тесном общении, в котором находился Александр Иванович с Пушкиным в декабре 1836 года. Что было предметом их частых и продолжительных бесед, Тургенев обещал рассказать Свербеевой при свидании. Из публикуемого письма к Жуковскому, если и не раскрывающего содержания этих бесед, то указывающего на

¹⁾ Подлинник письма находится в архиве М. О. Гершензона. За разрешение опубликовать письмо приносим глубокую благодарность Марье Борисовне Гершензон.

некоторые темы их, мы узнаём о тех разнообразных умственных интересах, которыми жил Пушкин в последние недели перед роковой дуэлью.

Письмо Тургенева, вероятно, является ответом на письмо Жуковского, запрашивавшего Тургенева, не у него ли рукопись сочинения Корба. Дело в том, что Пушкин, занимавшийся последние годы своей жизни историей Петра I, взял к себе на дом из одного архива рукопись „Дневника путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)“ Иоанна-Георга Корба. Рукопись этого ценного источника для истории первых годов царствования Петра I представляла собою большую редкость, так как издание (1700 или 1701 г.) сочинения Корба вскоре по выходе в свет было по настоянию русского правительства, оскорбившегося некоторыми отзывами и рассказами Корба, уничтожено австрийским правительством¹⁾.

А. Х. Бенкендорф, извещенный мин. иностр. дел К. В. Нессельроде (письмом от 12-го февраля) о том, что Пушкин взял на дом Корба, приказал Дубельту, разбиравшему вместе с Жуковским бумаги Пушкина, доставить эту рукопись в министерство ин. дел, но ее среди бумаг поэта не оказалось, о чем и сообщил 24 марта Дубельт Нессельроде. Очевидно Жуковский, заинтересованный в этом деле, и послал в догонку уехавшему в Москву Тургеневу письмо с вопросом, не у него ли рукопись Корба.

¹⁾ Русский перевод сочинения Корба был издан впервые в 1866—67 гг., второй раз в 1906 г.

Корф, о котором идет речь в начале письма, товарищ Пушкина по лицую бар. Модест Андреевич Корф, (1800—1876), в это время (с 1834 г.) исправлявший должность государственного секретаря, впоследствии директор Петербургской Публичной Библиотеки. Особенно близких отношений с Пушкиным у Корфа не было, но в октябре 1836 года после одного разговора с поэтом о его работе над историей Петра I, Корф, сам любитель истории, предоставил Пушкину свои библиографические материалы по *Rossic'e*¹⁾. В ответ на эту любезность, как узнаём из письма Тургенева, Пушкин и снабдил Корфа „старинными и весьма интересными книгами о России“.

Весьма ценно сообщаемое Тургеневым о „Слове о Полку Игореве“. Еще в 1832 году в московском университете, окруженный студентами, Пушкин в споре со скептиком, проф. истории М. Т. Каченовским отстаивал подлинность „Слова“. Вероятно к 1834 г. относится начатая поэтом статья об этом памятнике. Пушкин интересовался мнениями ученых о „Слове“, и в бумагах поэта нашлись заметки П. И. Келлена и А. Х. Востокова. Теперь к этим именам нужно присоединить имя Андрея Яковлевича Италинского (1743—1827 гг.), по образованию медика, с 1761 г. проживавшего за границей. В 1781—1795 гг. Италинский

¹⁾ См. письмо Корфа к Пушкину от 13 октября 1836 года в акад. изд. переписки Пушкина, т. III, № 1078 и ответ Пушкина (№ 1079). Корф и впоследствии весьма интересовался *Rossic'ой*, благодаря чему в Публичной Библиотеке она прекрасно представлена.

был секретарем посольства в Неаполе, в 1795—1801 гг. там же послом, в 1801—1817 гг.—послом в Константинополе, а в 1817—1827 гг.—послом в Риме. Весьма ценный современниками, как знаток искусства и археолог, Итальянский, не печатавший своих трудов, для нас величина неизвестная, как неизвестна и судьба книги, о которой пишет Тургенев. В библиотеке Пушкина, когда она поступила в Пушкинский Дом, первого издания (гр. А. И. Мусина-Пушкина 1800 г.) „Слова“, о котором говорит Тургенев, не оказалось.

„Повести“ Пушкина, подаренные им „за день до дуэля“ Тургеневу, это „Поэмы и повести Александра Пушкина“ в двух частях, изданные в 1835 г. и вышедшие в свет—первая часть в апреле, а вторая в августе этого года. Тургенев в это время был за границей, почему и не имел этого издания. Из слов Тургенева нельзя понять, какую отметку сделал Пушкин на книге.

Не можем мы назвать и „книжки со свободолюбивыми итальянскими песнями“. В описании библиотеки Пушкина, составленном Б. Л. Модзалевским, такой книжки точно бы нет. Во всяком случае интерес поэта к этому сборнику—факт примечательный¹⁾.

М. Цявловский.

¹⁾ Последние строки письма говорят о поездке Жуковского с в. к. Александром Николаевичем по России. Выехав 2 мая из Царского Села, Жуковский в конце июня был в Симбирске. Арсеньев—Конст. Ив. (1789—1865), географ и статистик, учитель в. к., о котором, надо полагать, были написаны какие-то слова, потом зачеркнутые.

ИЗ ПИСЕМ А. И. ТУРГЕНЕВА к А. Я. БУЛГАКОВУ.

А. И. Тургенева с А. Я. Булгаковым (1781—1843), бывшим в 1832—1856 гг. московским почт-директором, связывала давнишняя дружба. Многочисленные письма первого ко второму (ныне хранятся в Рукописном Отделе Всесоюзной Публичной Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве)—летопись общественной и литературной жизни России и Западной Европы 1820—1840 годов.

Вот сведения о Пушкине и его жене, которые находим в письмах Александра Ивановича к А. Я. Булгакову из Петербурга 1836—1837 г.г.

7 декабря 1836. С.П.Бург.

... Я был во дворце с 10 часов до 3^{1/2}! и был почти поражен великолепием двора, дворца и костюмов военных и дамских, нашел много апартаментов, новых и в прекрасном вкусе отделанных, например, залу фельдмаршалов, где видел уже и героев до эпохи 1812 года: Задунайских, Рымникских, Таврических,—пение в церкви восхитительное! Я не знал, слушать ли или смотреть на Пушкину и ей подобных—? подобных! но много ли их? жена умного поэта и убранством затмевала других...

Речь идёт о приеме в Зимнем дворце 6-го декабря, в день имени Николая I.

В письмах А. И. Тургенева часто говорится о графине Эмили Карловне Мусиной-Пушкиной, рожд. Шернваль (1810—1846), которой он всегда восхищается. Но здесь дальнейшее упоминание о „жене умного поэта“ заставляет думать, что речь идет о Нат. Ник. Пушкиной.

С.П.Бург. 1837. 9 января.

...Il y a deux jours nous avons passé une charmante soirée chez l'ambassadeur d'Autriche; elle m'a rappelé les plus intimes salons de Paris. Il s'est formé un petit cercle composé de Barante, de Poushkin, de Viasemsky, du ministre de Prusse et de votre très humble serviteur. Nous causions—ce qui est assez rare par le tems qui court. La conversation était variée, brillante et d'un grand intérêt, car Barante nous racontait des choses piquantes sur Talleyrand et ses mémoires dont il a lu les premières parties. Wias. faisait sa part en disant des mots, dignes d'originalité de son esprit; Poushkin nous contait des anecdotes, des traits de Pierre I, de Catherine II...

...Повесть Пушкина: „Капитанская дочка“ так здесь прославилась, что Барант предлагал автору при мне перевести ее на франц. с его помощью; но как он выразит оригинальность этого слога, этой эпохи, этих характеров старо-русских и этой девичьей русской прелести—кои набросаны во всей повести? Главная прелесть в рассказе, а рассказ перерассказать на другом

языке—трудно. Француз поймет нашего дядьку (mémé), такие и у них бывали; но поймет ли верную жену верного коменданта?

Перевод: Два дня тому назад мы провели восхитительный вечер у австрийского посланника; этот вечер напомнил мне интимнейшие парижские салоны. Образовался маленький кружок, состоявший из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского посла и вашего покорного слуги. Мы беседовали (causions), что бывает довольно редко, по нынешним временам. Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса, т. к. Барант нам рассказывал пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он читал. Вяземский с своей стороны отпускал словечки, достойные его оригинального ума, Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины II..

Австрийский посланник—гр. Карл-Людвиг Фикельмон (1777—1857), муж красавицы Дарьи Федоровны рожд. Тизенгаузен, бывший посланником в Петербурге в 1829—1840 гг.

Барон Барант (1825—1846)—французский политический деятель, историк и публицист, бывший в 1835—1841 гг. французским послом в Петербурге.

Вяземский—кн. П. А. Вяземский, писатель, приятель Пушкина.

Прусский посол—Либерман, бывший послом в Петербурге в 1835—1845 гг. Донесения его и Баранта своим правительствам о смерти Пушкина напечатаны в книге Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“.

Талейран (1754—1838)—известный французский дипломат. Его мемуары в это время не были изданы, и Барант читал их в рукописи.

„Капитанская Дочка“ впервые была напечатана в IV томе „Современника“ 1836 г., вышедшем в свет во второй половине ноября—декабре этого года.

22 Января 1837. С.-П.Б.

...Лубян[овский] живет в комнатах кн. Софьи Волк., где я так часто бывал у ней, а внизу поэт Пушкин.

Лубяновский, Федор Петрович (1777—1869), сенатор, масон, жил в доме на Мойке кн. Софьи Григорьевны Волконской (ум. 1848 г.), супруги министра двора кн. Петра Мих. Волконского. В этом доме и умер Пушкин.

28 Генв. [1837 г. С.П.Б.]

10 час. утра. Прочти письмо мое к сестрице и немедленно отошли к ней, не списывая копии для себя. Буду уведомлять тебя о последующем, а ты посылай мои письма для прочтения сестрице, но ради бога не сделай из меня вестовщика. Уведомь, как скажут об этом отцу Пушкину, он в Москве.

2 часа. Пожалоста, любезный друг, оба письма отошли к сестрице; но прежде вели списать копию и пошли ее в среду в Синбирск, к Ивану Семенов. Аржевитинову с моим письмом. Скажи Норову, что сейчас получил письмо его, но отвечать некогда, нет сил. Устал духом и телом. Пожалоста, поскорее отошли письма к сестрице и в среду в Синбирск.

Письмо к сестрице—письмо от 9 ч. утра 28 января 1837 г. к Александре Ильинишне Нефедьевой (1782—1857)—напечатано в „Пушкин и его современники“, вып. VI, стр. 47—51. Письмо подробно рассказывает о дуэли и болезни Пушкина до 8 ч. утра 28 января. Второе письмо от 28 января Тургенева к А. И. Нефедьевой—письмо, напечатанное в „Пушкин и его современники“, вып. VI, стр. 53—55 с неверной датой (публикатора, а не Тургенева) „29“ января, как письмо к „неизвестному“.

Ив. Сем. Аржевитинов—родственник Тургенева, синбирский помещик.

30 Января [1837 г. С.П.Б.]

Вот еще письмецо к Неф.[едьевой] и пакет к Арж.[евитинову], отошли его вместе с письмами от 28 и 29; а отцу поэта передай о жене и о детях сына.

„Письмецо к Нефедьевой“ от 30 января напечатано в „Пушкин и его современники“, в. VI, стр. 57—58.

Письмо к И. С. Аржевитинову от 30 января напечатано в „Русском Архиве“, 1903, № 1, стр. 143—144.

Два письма Тургенева от 29 января к А. И. Нефедьевой напечатаны в „Пушкин и его современники“, в. VI, стр. 51—53 и 55—56.

12 февраля. 1837. С.П.Бург.

Письмо Вяземского более вразумит тебе, нежели мое à la hâte [не разобрано] донесение о Пушкинской катастрофе. Время откроет более. Министр Гекерн собирается, кажется, уехать и уже распродал почти все свои вещи; суд продолжается.

„Письмо Вяземского“—вероятно, письмо Вяземского к А. Я. Булгакову от 9 февраля, напечатанное в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 247—253.

„Суд“—суд над Дантесом и секундантом Пушкина К. К. Данзасом.

16 февраля 1837. С.П.Б.

Прочти письмо мое и копию с отношением и перешли к сестрице немедленно.

Сегодня бал у франц. посла, но он думает, что я еще в монастыре и—не приглашал меня! а я рад ошибке; о бале Кит.[айском] напишут другие. Обнимаю тебя. Пиши чаще, хотя я письма к Вяз. читаю.

Посылаемое через Булгакова письмо к Нефедьевой в печати не появлялось.

„Монастырь“—Святогорский, куда ездил хоронить Пушкина Тургенев.

1837. 17 февраля. С.П.Б.

... Сделай милость: пошли копию с письма Вяз. о Пушкине в среду к Аржевитинову, а я тебе за то привезу рукопись для прочтения—и есть ли милость твоя будет, то и с письма к сестрице сегодня посылаемого отправь ему копию. Право нет минуты досужной, а кроме тебя кому же поверить тайны такого рода? Обнимаю тебя.

„Письмо Вяземского о Пушкине“—вероятно, письмо к А. Я. Булгакову от 9-го февраля.

Посылаемое письмо Тургенева к Нефедьевой в печати не появлялось.

С.П.Бург. 1837. февраля 27.

... Лермонтов—автор стихов на конч. Пуш. и строфы к ним прибавленной—под арестом. Бабушка Арсеньева—в отчаянии, а всему виной точно главная виновница—тетушка-публика, которая... но Бог с ней: „иного и обидет можно,

А Боже опаси того!“

Марта 6. С.П.Бург. 1837.

... Отправь поскорее большой пакет, да отправил ли ты в Синб. мое описание путешествия на Святые Горы с телом П. ? Пожалоста сохрани свой характер до конца—верность и аккуратность, а я привезу тебе взамен многое для прочтения...

... Сбереги для меня статью Lew Weum в Дебатах—о Пушкине. Лермонтов послан на Кавказ, Раевский, его приятель, в какую-то губернию холодную...

„Описание путешествия на Святые Горы“ Тургенева это—письмо его к А. И. Нефедьевой от 9 февраля, напечатанное в „Пушкин и его современники“, в. VI, стр. 71—77.

„Статья Lew Weum в Дебатах“ это—статья французского писателя и дипломата Леве-Веймара (1801—1854), бывшего в Петербурге в 1836 г., хорошего знакомого Пушкина. Статья эта, впервые напечатанная в „Journal des Debats“ от 3 марта 1837 г., перепечатана в кн. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“.

Приятель Лермонтова С. А. Раевский за распространение стихов „На смерть Пушкина“ был сослан в Олонецкую губернию.

20 марта. С.П.Бург. 1837.

... 3-го дня разжалован Дантес в солдаты с высылкой за-границу, а вчера уже и выехал. Я встретил его в саних тройкой, в фуражке шитой шелком или [не разобр.] он сидел бодро, на облучке сидел жандарм, в других саних офицер. Данзас на два месяца в крепость...

Гекерн-отец отозван на 6 мес. Но, вероятно, сюда не возвратится. Я видел его у Баранта и у принца Гогенлоге, но все сухи с ним.

Кажется, верно, что Мицкевич вызывал письмом Дантеса на дуэль.

Принц Гогенлоге—кн. Гогенлоэ-Кирхберг (1788—1859), бывший вюртембергским послом в Петербурге

в 1829—1848 гг. Его донесения о смерти Пушкина напечатаны Щеголевым в книге „Дуэль и смерть Пушкина“.

Слух о том, что Мицкевич вызвал на дуэль Дантеса, был неверен.

Е. Н. Коншина.

ИЗ ПИСЬМА Я. М. НЕВЕРОВА к Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Петербург, 24 января 1837 года.

Вот пятый день, как я возвратился из Москвы, мой любезный Грановский, и узнал от Безгина, что ты жалуешься на мое молчание. Я не виноват, мой милый: последнее письмо твое ; а стало меня только что не в дилжансе—дня за три до моего от'езда. Безгин пишет так же, что ты ждешь через меня денег из дому—но мне не присылают ни копейки, а если бы было что к тебе, то я бы, разумеется, переслал тотчас же. Я в очень грустном расположении: наша поездка за границу была мечта, которая никогда не исполнится: тяжело быть убежденным в этой истине—однако нечего делать, надобно отказаться от всех своих планов, от всех надежд. Воображаю, что это тебя очень удивит и ты подумаешь, может быть, что мне пришла охота тебя мистифицировать—нет, мой милый, без мистификации говорю тебе: не жди нас в Берлин, мы остаемся каждый в своем углу—Николай¹⁾ в Москве, а я в Петербурге.

29 января. Письмо было начато—кто-то прервал—теперь нечаянно попалось, и я буду продолжать его,

¹⁾ Ник. Вас. Станкевич.

чтобы сообщить тебе истинно горестное событие, перед которым стыдно даже и роптать на наши мелкие неудачи.—Пожалей, милый Грановский, со всею Россиею о важной потере: наш поэт, наш единственный поэт Пушкин не существует более. Сего дня в три часа после обеда он окончил жизнь—и какую жизнь, бурную, славную, окончил от пули. Женщина осиротила Россию, но не обвиняй эту женщину; сам поэт на смертном одре своем оправдал ее. Третьего дня, в четыре часа после обеда, он стрелялся в Новой Деревне с кавалергардским офицером Дантезом. Сам Пушкин вызвал его. В ноябре он получил несколько безименных писем, в которых называли его рогоносцем. В январе, т.-е. две недели тому назад, он выдал сестру жены своей за Дантеза, принудил его жениться на ней, а через три недели после свадьбы вызвал на дуэль. Вот факты! По городу ходит тысячу слухов, предположений, но он сказал, что жена его невинна, поверим же ему. Это его последнее святое завещание. Вероятно причины были важные. Пушкин требовал дуэли на смерть—они стрелялись в 10 шагах. Первый выстрелил Дантез, и пуля попала в бок поэта—он упал, но тотчас же опомнился и просил своего секунданта поддержать ему голову, взял пистолет и, ранив Дантеза в руку, сказал с досадою своему секунданту—*et je ne l'ai pas tué!*—в семь часов его привезли домой. Тотчас же узнал об этом весь город.

Государь прислал Арендта, писал собственноручно к Пушкину, успокаивал его, уверял в своем неизменном

расположении, если он останется жив, и обещал быть отцом детей его по смерти—но жить было невозможно: пуля осталась в животе и прорвала жилы— он еще страдал почти двое суток.

Что только есть образованного в городе в эти двое суток наполнило его приемные комнаты, прочие толпились под окнами—горесть всеобщая! Сего дня утром он был в полной памяти—говорил, что желает скорее умереть, потому что чувствует себя спокойным, и боится, чтобы смерть отсрочкою не продлила напрасно его страданий. Потом при всех сказал, что жена его невинна, и что причиною его смерти—о н с а м. Благородная, высокая ложь! Но видно, это письмо будет писаться в три приема, потому что теперь я ни о чем не могу говорить, кроме Пушкина, а мне надобно еще кое-что сообщить тебе. Мне кажется, если бы я потерял брата, я не мог бы более сожалеть о нем, как сожалею о несчастном поэте. Его квартира возле моей, и я по несколько раз в день выходил на улицу—останавливался пред окном его спальни, а мысль, что в трех шагах от меня угасает жизнь, славная, великая, наполняла душу высокими, но грустными помыслами, не один раз доводилось отирать с глаз слезы.

Мир праху твоему, певец России! Прощай, Грановский! Ну, теперь уж время окончить письмо. Тело Пушкина вчера отпето и поставлено в погребке, откуда его через несколько дней отправят в деревню. Похороны были очень не блистательны,—но участие к поэту народ доказал тем, что в один день прихо-

дило на поклонение его гробу 32.000 человек. Зато вывезли его из дому в церковь в 2 часа ночи, так что никто этого не знал. На билетах назначена была Исакиевская церковь, а отпевали в Конюшенной— таким образом обманули весь город, а мы хотели нести его на руках до самой заставы. Но зато милости государя истинно царские. Жене 6.000 пенсии, четверем детям каждому по 1.500 в год. Государь взял на себя все казенные и партикулярные долги Пушкина и сверх того дал сумму на великолепное издание его сочинений в пользу семейства.—Теперь несколько слов о наших разрушившихся планах...

Вышеприведенное свидетельство современника о думе и смерти Пушкина принадлежит Январю Михайловичу Неверову (1810—1893 г.). Оно извлечено из письма к его другу Т. Н. Грановскому, готовившемуся в то время к профессорскому званию в Берлине. Известно так же и ответное письмо Грановского к Неверову от 23/11 февраля 1837 г. (Т. Н. Грановский и его переписка 1897, т. II, стр. 392).

Автор письма Я. М. Неверов, близкий друг Станкевича к Грановского, позднее видный деятель в области народного просвещения, в 1837 году служил помощником редактора Журнала Мин. Нар. Просв. Сотрудничая, кроме того, в различных газетах и журналах, он вращался в тогдашних литературных кругах, чем и объясняется его прекрасная осведомленность о драме, происходившей в семье Пушкиных.

Не сообщая новых подробностей, письмо Неверова интересно, как выражение того культа Пушкина, который разделяли в кружке Станкевича все члены его, начиная с самого Николая Васильевича и кончая молодым И. С. Тургеневым.

Л. Крестова.

Москва, 12 янв. 1927.

МОСКОВСКИЕ ОТГОЛОСКИ ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА.

Кончина Пушкина и ее трагическая обстановка всколыхнули все образованное русское общество, привлекли к себе всеобщее внимание. В переписке современников, в их дневниках и воспоминаниях мы находим многочисленные отклики этого горестного события, служащие отражением произведенного им впечатления. Кое-что из этих материалов уже опубликовано (например, Б. Л. Модзалевским: „Пушкин и его современники“, VI, 98 и сл.), но многое еще таится под спудом и ждет своей очереди. В Историческом Музее в Москве хранится между прочим дневник Владимира Алексеевича Муханова, в котором целый ряд записей посвящен сведениям и слухам о дуэли и смерти Пушкина. Муханов проживал в Москве; следовательно, он не был непосредственным свидетелем событий, а должен был довольствоваться доходившими до него слухами. Поэтому в дневнике его мы не найдем ничего существенно нового; тем не менее его записи представляют известный интерес и дают повод к соображениям, нелишенным значения для установления некоторых фактов, относящихся к последним дням Пушкина.

Однако, прежде всего несколько слов о самом авторе дневника. В. А. Муханов родился в 1805 году, умер в 1876 году. Он принадлежал к старинной московской дворянской семье и получил тщательное домашнее образование. В 20-х и 30-х годах он служил в Московском Архиве Иностранных Дел, был камер-юнкером, но служебной карьеры не сделал, в противоположность своему старшему брату Николаю, достигшему поста товарища министра иностранных дел и звания члена Государственного Совета. Другой брат его, Александр, служил на военной службе и состоял в приятельских, хотя и не близких отношениях с Пушкиным: сохранилось несколько записочек к нему Пушкина, с обращением на ты,—впрочем, довольно незначительных по содержанию. Сам Владимир Алексеевич был человеком высоко образованным. Не будучи литератором, он живо интересовался литературой, много и серьезно читал. Письма его к братьям (Шукинский сборник, т.т. IV и V) показывают, насколько обширен был круг его литературных интересов. Многие отзывы Муханова о произведениях современной литературы обнаруживают в нем правильный взгляд и тонкий вкус; в частности, он всегда очень высоко ценил Пушкина: в письмах его неоднократно встречаются отзывы о новых произведениях поэта, с которыми он спешил познакомиться. Литературные интересы Муханова поддерживались также и тем, что среди его знакомых было немало писателей: Боратынский, Хомяков и другие. О нравственной личности Муханова дает понятие его некролог,

написанный П. И. Бартеневым (Московские Ведомости, 1 декабря 1876 года, № 309) и отмечающий его скромность, простоту и любовное, „братское“ отношение к людям, как основные черты его характера. Интересные выдержки из дневников Мушкова напечатаны в Русском Архиве 1896, 1897 и 1900 гг.¹⁾

„1/13 февраля. Сегодня годовщина по матушке, день сам по себе грустный, который еще более омрачился известием, сообщенным мне братом. Пушкин дрался на дуэли и смертельно ранен. Он долго получал безымянные письма, оскорбительные для чести его, стал подозревать сочинителем оных Голландского посланника барона Экерна и, потеряв терпение, сам написал бранное письмо, но только подписав оное, к низкому Голландцу. Посланник послал за Д'Антесом, незадолго до того им усыновленным, вследствие 500 т. рублей, полученных старым Экерном от Голландского короля, и объявил ему, чтобы он кончил дело. Д'Антес в ответ вынул из кармана вызов Пушкина. На другой день они стрелялись в 20 шагах. Поэт получил пулю в живот и ула; к нему было подбежал противник его, но он просил его стать на свое место, выстрелил и ранил ему руку. Государь здесь, как и всегда, обнаружил великую душу, живо ценящую все высокое и заключающую всегда отголосок на прекрасное. Император написал собственноручно карандашом записку к поэту следующего содержания: „Если хочешь моего прощения (за дуэль,

¹⁾ О братьях Мухановых смотри в книге А. А. Сиверса: „Материалы к родословию Мухановых“, Спб., 1909; стр. 104—106.

вероятно) и благословения, прошу тебя исполнить последний долг христианина. Не знаю, увидимся ли на сем свете. Не беспокойся о жене и детях; я беру их на свои руки". Пушкин был тронут, послал за духовником, исповедался, причастился и, призвав посланного государева, сказал ему:—Доложите императору, что пока еще вы были здесь, я исполнил желание его величества, и что записка императора продлит жизнь мою на несколько часов. Жалею, что не могу жить,—сказал он потом друзьям своим, окружающим умирающего; отныне жизнь моя была бы посвящена единственно государю. Жене своей он говорил: не упрекай себя моей смертью: это дело, которое касалось одного меня. Секундантом Пушкина был полковник Данзас; подробности о сем несчастном событии получил от А. Я. Булгакова".

Из этой записи дневника Муханова видно, что известие о событии, взволновавшем все петербургское общество, дошло до Москвы только на пятый день; несомненно, что аккуратный Муханов занес его в свой дневник немедленно по получении, а получил он его, несомненно, в числе первых в Москве: в конце своей записи он сам указывает на источник своих сведений, на известного московского почт-директора А. Я. Булгакова, служившего для своих многочисленных друзей и знакомых постоянным осведомителем и имевшего для этой роли все необходимые данные уже в силу своего служебного положения. Что касается до самого Булгакова, то для него источником информации в данном случае могли быть такие

хорошо осведомленные лица, как А. П. Тургенев и князь П. А. Вяземский. Сохранилось письмо Тургенева к Булгакову от 29 января, написанное в квартире умирающего Пушкина и описывающее последние часы жизни и кончину поэта. Конечно, Булгакову было известно и содержание писем Тургенева к его двоюродной сестре А. И. Нефедьевой, которые также проходили через его руки. Другим корреспондентом Булгакова был князь П. А. Вяземский. Известно письмо к нему Вяземского, с описанием дуэли, болезни и кончины Пушкина; письмо это относится к 5 февраля, но возможно, что были и более ранние письма, может быть не столь подробные.

Чрезвычайно важным считаю я упоминание в дневнике Муханова о собственноручной записке Николая к Пушкину. Щеголев в своем известном труде о дуэли Пушкина подробно останавливается на вопросе об этой записке¹⁾. Он считает историю ее „очень загадочной“ (стр. 12); указывая на некоторые противоречия в показаниях А. П. Тургенева, кн. Вяземского, Жуковского, Щеголев пытается даже заподозрить самый факт существования этой записки. Он ссылается на неясность относительно времени передачи ее Арндтом умирающему Пушкину, на то, что в самом раннем известии о последних днях поэта, в первом письме Тургенева к А. П. Нефедьевой, написанном утром 28 января, о ней вовсе не упоминается, а говорится, как будто лишь о словесной передаче поручения

¹⁾ П. Е. Щеголев. „Дуэль и смерть Пушкина“. Исследование и материалы. Петроград, 1916, стр. 12—17.

государя Арндтом. Наконец, останавливается он и на самом тексте записки: „Если записка была, то какое же было ее содержание“ (стр. 14)—спрашивает Щеголев и затем приводит различные редакции ее у Тургенева, Вяземского и Жуковского; впрочем, в конце концов он сам принужден признаться, что смысл записки во всех версиях одинаков, и вся разница заключается лишь в отдельных выражениях и оборотах (стр. 16).

Точно так же Щеголев высказывает сомнение и относительно известной фразы Пушкина по адресу государя: „мне жаль умереть: был бы весь его“.

Указав на некоторые противоречия в передаче самого факта в показаниях друзей Пушкина: кому были сказаны эти слова и когда именно, Щеголев останавливается на сравнении черновых набросков Жуковского с позднейшим отделанным текстом его письма к отцу поэта, отмечает редакционные изменения, внесенные Жуковским и приходит, наконец, к следующему заключению: „Из изложенного процесса работы Жуковского над воссозданием или вернее над созданием патриотических слов Пушкина обнаруживается сомнительность самого факта их произнесения“ (стр. 21).

Щеголев пытается представить дело так, что Жуковский, желая, с одной стороны, реабилитировать Пушкина от упрека в вольнодумстве, а с другой—привлечь к его семье милости государя, создал легенду о последних днях жизни Пушкина и в превратном, идеализированном виде изобразил взаимные отношения его и Николая. Для этого он пустил в ход

слух о милостивой записке государя к умирающему поэту, свидетельствующей о его трогательной заботливости, а Пушкину приписал верноподданнические слова, свидетельствующие о его преданности особе государя. Но, во-первых, если бы записки Николая не существовало вовсе, то как мог бы Жуковский взять на себя смелость пустить о ней молву в публичное обращение. Ведь этот слух, несомненно, должен был так или иначе дойти и до государя, и трудно было предвидеть, как бы отнесся к нему сам Николай, не допуская и мысли, чтобы кто-либо из подданных мог вмешиваться в его личные дела и отношения¹⁾.

¹⁾ Своеобразную позицию занял в этом вопросе Ю. Г. Оксман („Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“. Изд. Атеней. Петербург, 1924 г.). Он приходит к тому выводу, что письмо Николая с изъяснением его воли было адресовано не самому Пушкину, а Арендту, которому государь и поручил прочесть его умирающему поэту в части, относящейся к нему. Щеголева смущал вопрос, почему государь приказал Арендту вернуть себе свою записку по прочтении ее Пушкину. Оксман выдвигает по этому поводу вполне правильное соображение, имеющее за собой авторитет А. И. Тургенева (см. книгу Полякова „О смерти Пушкина“. Петербург, 1922). Всякое письменное обращение государя к частному лицу рассматривалось в то время официально, как „рескрипт“, означающий особое милостивое внимание. Николай, очень строго соблюдавший все формы, созданные для поддержания авторитета власти, считал неудобным обращаться с рескриптом к лицу, только что нарушившему закон и подлежавшему за это суду. Нужно, однако, заметить, что все эти соображения имеют значение лишь в том случае, если записка Николая была обращена непосредственно к Пушкину. Оксман упустил это из виду и потому его аргументация обращается против него самого.

Что касается до слов Пушкина по адресу государя, то факт их произнесения, помимо Жуковского, засвидетельствован также и другими очевидцами последних дней жизни Пушкина—Вяземским, Тургеневым, которые и приводят их в своих письмах к друзьям, при чем в их наиболее существенной части („был бы весь его“) слова эти вполне совпадают с текстом Жуковского. Вполне возможно, что, обрабатывая впоследствии для публичного обращения и для печати свои воспоминания о последних днях Пушкина, Жуковский внес в слова поэта некоторые стилистические изменения и добавления, амплифицировал их и предал им округлость и законченность, в духе своей собственной литературной манеры; но из этого еще вовсе не следует, что он сам изобрел эти слова и приписал Пушкину то, что последний и не думал говорить. Подчеркивая и выдвигая эти слова Пушкина, Жуковский, повидимому, действительно имел в виду оттенить патриотические чувства поэта и реабилитировать его в глазах императора Николая от того подозрения в вольнодумстве и либерализме, которое поддерживалось в государе внушениями Бенкендорфа. Но весьма мало вероятно, чтобы для этой цели друзья Пушкина, как это предполагает Щеголев, составили какое-то молчаливое соглашение, какой-то комплот, и чтобы они в своем дружеском усердии не остановились даже перед подтасовкою фактов и перед явными вымыслами. И когда же?—когда Пушкин еще мучился на своем смертном одре, когда он еще дышал и говорил, когда все друзья его были так поражены

неожиданностью происшедшего, что едва ли могли проявить приписываемую им Щеголевым расчетливую предусмотрительность. Кроме того, у одра Пушкина постоянно были и другие лица, близкие к нему: Данзас, гр. Виельгорский, Даль, по нескольку раз в день навещал его Арендт; все это были свидетели, мимо которых не могли пройти сколько-нибудь важные факты, относящиеся к умирающему. Или они тоже были вовлечены в дружеский комплот, придуманный Жуковским ради интересов Пушкина и его семьи? Все это очень мало правдоподобно.

Запись в дневнике Муханова еще раз подтверждает фактическую точность рассказа Жуковского. Запись эта сделана 1 февраля, в день получения первого известия о дуэли Пушкина. Следовательно, записанные Мухановым сведения были сообщены петербургским корреспондентом Булгакова, если не в самый день дуэли, то во всяком случае не позднее следующего дня, т.-е. 28 января. В первом письме Тургенева к А. И. Нефедьевой, написанном утром 28 января, этих слов нет; они есть в другом письме Тургенева „к неизвестному“, написанном уже в день смерти поэта 29 января („Пушкин и его современники“. Вып. VI, стр. 53). Но, принимая во внимание медленность тогдашних почтовых сообщений, едва ли письмо это могло быть получено в Москве таким образом, чтобы сообщаемые в нем сведения успели попасть в дневник Муханова еще 1 февраля. Приходится предположить, что было еще другое, более раннее письмо к Булгакову (Тургенева или какого-либо другого

лица из числа близких к Пушкину), которое и послужило материалом для Мухановской записи¹⁾. Письмо это, очевидно, исходило от человека, хорошо осведомленного обо всем, что делалось вокруг Пушкина, и было написано под живым впечатлением того, что происходило у постели умирающего, при чем самая быстрота передачи сведений исключала возможность их произвольных искажений, а тем более сознательного сочинительства²⁾.

„2/14 февраля [перевод с французского:] Хомяков справедливо полагает, что Пушкин был утомлен жизнью (*était las de la vie*) и что он воспользовался первым поводом для того, чтобы от нее отделаться,

1) Публикация в настоящем сборнике Е. Н. Коншиной отрывков из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову разъясняет дело. Письмо Тургенева, напечатанное (в „Пушкин и его совр.“, в. VI, стр. 53—55) как письмо к „неизвестному“ и датированное (не Тургеневым) „29“ января, есть второе письмо от 28 января А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой. Р е д.

2) Впрочем, все эти соображения несколько не ослабляют прекрасного анализа рассказа Жуковского о смерти Пушкина, сделанного Щеголевым, тонко отметившим „житийный характер“ этого рассказа и явное стремление автора изобразить смерть Пушкина, как „праведную кончину“ в христианском смысле. Но из того, что Жуковский в своем рассказе явно подчиняется столь характерному для него стремлению к своеобразной идеализации (отмеченному в нем еще академиком Веселовским) в духе собственного христиански-поэтического мироощущения, еще вовсе не следует, что он склонен был прибегать к вымыслу и подтасовке фактов: он только ретушировал свое изображение, придавал ему известное освещение, но факты, несомненно, брал из действительности.

так как анонимный пасквиль не составляет оскорбления, делающего поединок неизбежным (*un libelle n'étant pas, selon lui, une offense pour laquelle on se bat*). Охлаждение русского общества к поэту, материальные стеснения, столкновения с министром и наконец огорчения, вызванные кокетством его жены, привели его к горестной катастрофе“.

Приводимые Мухановым соображения Хомякова интересно сопоставить с письмом Хомякова к Н. М. Языкову, написанном 1 февраля 1837 года, т.-е. в тот же день, к которому относится и первая запись Муханова: „Грустное известие пришло из Петербурга. Пушкин стрелялся с каким то Дантесом, побочным сыном Голландского короля. Говорят, что оба ранены тяжело, а Пушкина, кажется, смертельно. Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец. Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он себя чувствовал униженным и не имел ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться. Жена вероятно причина дуэли; впрочем вела себя всегда хорошо“. Немного времени спустя Хомяков писал к тому же лицу: „Пушкина убили непростительная ветренность его жены (кажется только ветренность) и гадость общества петербургского. Сам Пушкин не оказал твердости в характере (но этого и ожидать

от него было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не может. Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали его дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его принимали из милости. Тут усыпил он надолго свой дар высокий и погубил жизнь прежде, чем этот дар проснулся, если ему суждено было проснуться“¹⁾.

„3/15 февраля. Получено горестное известие о кончине Пушкина, последовавшей 29 января. Государь посылал к нему Наследника. Пишут, что сие несчастие возбудило сильное негодование против Экерна и вообще иностранцев“.

„4/16 февраля [перевод с французского:] Смерть Пушкина большое несчастье. Этот гениальный человек провел бурную жизнь, как и все великие поэты. В юности он заплатил свою дань увлечению молодости, которое он искупил долгими годами изгнания. Честь его освобождения (l'honneur de l'en avoir tiré) принадлежит нынешнему императору, благородному ценителю заслуг, оказанных России, в лице Карамзина, а позднее в лице гения, которого мы теперь

1) Письма А. С. Хомякова в собрании его сочинений; том VIII, стр. 89—90. Свое мнение о личности Пушкина Хомяков выразил и в более позднем (1859 году) письме к И. С. Аксакову: подчеркивал слабость его характера, Хомяков замечает, что в душе Пушкина не было „способности к басовым нотам“, которые, хотя и изредка, но встречаются в его творчестве. „От того-то вы можете восхищаться, или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться“ (там же, стр. 382).

оплакиваем. Начало литературной деятельности Пушкина было ознаменовано блестящим образом изданием его поэм. Благородство чувств, поэзия образов, правдивость изображения в соединении со всей прелестью мягкого и мелодичного языка, до тех пор неизвестного, ставят Пушкина в первый ряд не только среди национальных поэтов, но и среди поэтов всех стран. Что касается до его произведений последних лет, то они также имеют бесспорное значение; вначале он принял деятельное участие в редактировании периодических изданий, в которых он силою своего великого имени и первоклассного таланта вносил необходимую поправку в ложные суждения (*venait rectifier les erreurs*), которые клика писателей ничтожных и бедных духом стремилась привить нашей литературе; впоследствии он и сам начал издавать журнал с тою же целью“.

„5/17 февраля. Пушкин был отличный прозаик. Никто, исключая Жуковского, не пишет у нас прозою, как писал Пушкин. Он постиг дух языка и особенно замечателен всегда верным, правильным выбором именно того слова, которое точнее выражает мысль. Конечно, не зная немецкого языка, могу легко ошибиться, но мне кажется, что проза Жуковского, исполненная прелести, увлекательной более на Немецкий, нежели на Русский лад. Германизмы в составе его речи, в обороте ее, в расположении слов, хотя и искупаются неоспоримым искусством, однако все-таки не иное что, как пятна (без сомнения легкие) в прозаических отрывках Писателя, так удачно

познакомившего нас с Германскою музою. Пушкин, напротив, по расположению своей речи, по приемам ее, писатель совершенно Русский и в котором нет и тени иноземного. Безделки, изданные им под заглавием: Повести Белкина, Пиковая дама, Капитанская дочь (обе последние несравненно выше первых), История Пугачева и множество статей, рассеянных в журналах, свидетельствуют об обороте ума Русского, выразившегося в речи истинно и коренно Русской“.

Нельзя отказать этим замечаниям Муханова в верности и меткости, хотя в настоящее время они и производят впечатление чего-то общепризнанного и даже банального. Но не таково было их значение в момент написания, когда оценка Пушкина как в критике, так и в публике, далеко еще не установилась окончательно. Муханов не был причастен литературе, но он был наделен художественным чутьем и природным вкусом, которые и сказались в его отзыве. В особенности следует отметить настойчивое подчеркивание национального момента в творчестве Пушкина, весьма знаменательное, если принять во внимание, что в то время значение Пушкина, как великого национального поэта, как создателя новой русской литературы, еще далеко не было общепризнанным.

„7.19 февраля. Государь осыпал цветами свежую могилу Пушкина, благодетельствовал его семейство. Назначено ежегодно вдове поэта 5.000 рублей, столько же каждой из дочерей, коих две, и по 1.500 рублей двум сыновьям; приказано также внести деньги за

имение Пушкина, заложенное в Опекунском Совете и напечатать сочинения великого писателя, с тем чтобы продавать оные в пользу его семейства; бумаги покойника поручено разобрать Жуковскому. Тело будет предано земле в Тверском ¹⁾ имении, принадлежащем родителям Пушкина; туда провожать его будет Тургенев. На похоронах были первые Сановники, Дипломатический корпус и до 6.000 народу. Погребальная процессия долженствовала идти мимо Голландского посланника, но полиция узнала, что народ собирается бить стекла посланнической квартиры, изменила порядок печального шествия. Здесь на гостинном дворе сидельцы и лавочники толкуют о сем горестном событии“.

Толки о возможности враждебных демонстраций против Геккерна упоминаются и в письме А. П. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 года: „Полиция, кажется, опасается, чтобы в доме Геккерна отца, где живет и сын его, не выбиты были окна или чего не произошло при выносе и отпевании“. (Пушкин и его современники. Вып. VI, стр. 65.) О таких же опасениях говорится и в письмах Жуковского к гр. Бенкендорфу и Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу (Щеголев. Назв. соч., стр. 134 и 151). Эти слухи явились для Бенкендорфа весьма удобным предлогом для принятия тех исключительных мер по охране порядка, которые вызвали такое возмущение среди ближайших друзей поэта.

¹⁾ Ошибка. В Псковской губ. близ монастыря Святой Горы (прим. Муханова).

„13/25 февраля [перевод с французского:] Вот еще несколько подробностей о Пушкине. Император возвращался из театра, когда нашел у себя командира Кавалергардского полка, дивизионного генерала и Нессельроде. Военные власти сообщили ему фатальную новость. Вицеканцлер явился для того, чтобы испросить аудиенцию от имени барона Геккерна, голландского посланника, который уже находился во дворце. Государь отвечал отказом, прибавив, что аудиенция, которую мог бы получить посланник, была бы прощальной (*audience de congé*). Вяземский написал письмо Ден. Давыдову, весьма замечательное, в котором он старается оправдать Пушкина и отстранить от него всякий упрек в чрезмерном либерализме. Место в этом письме, относящееся к государю, проникнуто чувством искреннего преклонения перед его августейшей особой“.

В этой записи особенно интересно указание, что первое известие о поединке Николай получил от военных начальствующих лиц. Согласно данным камер-фурьерского журнала, государь в этот вечер, действительно, был в театре, вместе с гостившим в Петербурге принцем Карлом Прусским: отбыв из дворца в 8 часов 10 минут вечера, он вернулся туда в 10 часов 55 минут ночи. Щеголев, имевший возможность, благодаря содействию К. Я. Грота, навести соответствующую справку, не упоминает о лицах, которые в данное время находились во дворце и отмечает только, что ни посещение Арендта, ни посещение Жуковского, о которых мы знаем из других источников, в камер-фурьерском журнале не зарегистрир-

рованы (Щеголев. Назван. сочин., стр. 13). Однако самый факт появления во дворце военных начальствующих лиц с докладом, несмотря на неурочный поздний час, сам по себе не представляет ничего невероятного. Несомненно, Дантес немедленно после своего возвращения с поединка подал рапорт о происшествии своему ближайшему начальнику, полковому командиру Кавалергардского полка, каковым в это время был генерал-майор Родион Егорович Гринвальд, а последний, в свою очередь, счел своим долгом немедленно донести о случившемся начальнику гвардейской кирасирской дивизии генерал-адъютанту графу Степану Федоровичу Апраксину, а затем оба эти лица, в виду отсутствия командующего войсками гвардии великого князя Михаила Павловича, решили доложить о деле непосредственно самому государю, так как дуэль, в которой был замешан офицер такого видного полка, как Кавалергардский, в связи с толками, ходившими в обществе о роли, какую играл в истории этого столкновения дипломатический представитель государства, король которого был связан родственными узами с российским царствующим домом,— представлялась событием, достаточно важным для такого экстренного доклада. Возможно также, что оба генерала, в силу *esprit de corps*, объединявшего гвардейские части, надеялись личным докладом оказать влияние на императора в смысле благоприятном для Дантеса, хотя нужно заметить, что генерал Гринвальд, исполнительный и требовательный служака-немец, относился лично к Дантесу, бывшему далеко

не образцовым офицером, довольно отрицательно и неоднократно налагал на него различные взыскания за упущения по службе (С. А. Панчулдзев. Сборник биографий кавалергардов. Т. IV. Спб. 1898, стр. 79). Что касается до появления во дворце графа Нессельроде с докладом вечером 27 января, то этому как будто противоречит сообщение Геккерена в письме к Нидерландскому министру иностранных дел барону Верстолку от 30 января, в котором он, сообщая о выражениях участия, полученных им от Петербургского высшего общества, упоминает и о том, что граф и графиня Нессельроде посетили его в самый день „катастрофы“, т.-е. дуэли, и оставили его дом только в час ночи (Щеголев. Назв. соч., стр. 191). Что же касается приводимого Мухановым слуха о том, что еще вечером 27 января сам Геккерен явился во дворец, добываясь личной аудиенции у государя, то такой факт нужно признать совершенно невероятным, так как подобная настойчивость, граничащая с навязчивостью, вовсе не соответствует обычным дипломатическим приемам и совершенно не вяжется с нашим представлением о Геккерене, как об утонченно-вежливом, светском человеке и ловком дипломате. Конечно, Геккерен предпочитал воздействовать на императора Николая через посредство графа Нессельроде, очень к нему расположенного, как об этом и свидетельствуют сохранившиеся письма его к вице-канцлеру. (Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Спб. 1900. Стр. 51—52.) Тем не менее приводимый Мухановым слух о появлении старого Геккерена

в царском дворце в самый день роковой дуэли интересен в том смысле, что он характеризует отношение враждебно настроенной против Геккерена части общества, готовой приписать „низкому голландцу“, как выражается о нем сам Муханов, даже такие поступки, которых он даже не мог совершить.

Таковы записи Мухановского дневника, непосредственно касающиеся горестного события и отражающие в себе то впечатление, которое оно произвело на современников. Но и в дальнейшем Муханов неоднократно возвращается к Пушкину: очевидно, мысль о нем занимала его воображение, а непрекращавшиеся в обществе толки, вызванные дуэлью, давали пищу для различных соображений. Так, 16 февраля он записывает каким-то образом (может быть через Хомякова) дошедший до него отзыв Пушкина о Петре Великом, хотя следует сказать, отзыв этот мало вяжется с тем, что мы знаем о взглядах Пушкина на преобразователя. 17 февраля Муханов заносит в свой дневник, что к Жуковскому присоединен жандармский полковник для разбора бумаг Пушкина, и что Жуковский решительно опровергает распространенный в городе слух о том, что некоторые бумаги Пушкина будут сожжены. 18 февраля Муханов сообщает о состоявшемся запрещении русским журналам писать о Пушкине и осуждает эту меру, как несправедливую и нецелесообразную, приписывая ее всецело Уварову и его „мелочной злопамятности“ (*ressentiment petit et reticuleux*). Следующая запись от 19 февраля касается Наталии Николаевны Пушкиной и очевидно

отражает в себе некоторые толки о ней, ходившие в обществе.

„Здесь приехала недавно вдова Пушкина, которая не видалась с тестем. Старик очень сим оскорблен. Пушкина, говорят, как будто помешалась. Когда Дантес стал волочиться за нею, она об'явила мужу желание оставить Петербург, давая чувствовать, что француз ей не совсем равнодушен. Пушкин смеялся и требовал продолжения впредь той же откровенности. Если бы он внял тогда словам жены, может быть не было бы несчастья, столь рано его похитившего у нас“.

21 февраля Муханов сообщает об известном письме Жуковского к С. Л. Пушкину по поводу смерти его сына и сравнивает его с письмами кн. Вяземского по тому же поводу; письма эти, очевидно, ходили в публике по рукам, заменяя собой отсутствие каких-либо печатных сведений.

13 марта Муханов записывает слышанное им от А. П. Тургенева известие о том, что Мицкевич, желая отомстить за смерть Пушкина, послал вызов Дантесу, при чем будто бы Мицкевич даже опубликовал об этом в газетах. Слух этот сам по себе, конечно, является фантастическим, но что он был в то время распространен в русском обществе, об этом свидетельствует тот факт, что о нем говорит и Хомяков в письме к Н. М. Языкову от 14 апреля, притом в совершенно категорической форме („Мицкевич вызвал Дантеса на дуэль“). О дружеских отношениях Мицкевича и Пушкина было известно многим, и

очевидно это и породило толки о вызове, сделанном Дантесу польским поэтом-эмигрантом.

В последний раз упоминание Пушкина встречается в дневнике Муханова в записи от 24 марта, по поводу виденного им портрета Пушкина в гробу. Муханов был им недоволен; он находит, что „умное, выразительное лицо поэта приняло вид противного, распухнувшего лица шестидесятилетнего старика“. Муханов имеет в виду, повидимому, рисунок профессора Бруни, сделанный им в самый день смерти поэта. Оригинал этого рисунка был послан художником в Москву С. А. Пушкину. Быть может, его именно и видел Муханов. Тогда же была сделана с этого портрета литография, при чем сам художник переводил свой рисунок на камень (Либрович. Пушкин в портретах. С.-Пб. 1890. Стр. 77).

В. Саводник.

Д А Н Т Е С

(по материалам гончаровского архива) ¹⁾

Собранные в книге П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“ отзывы современников о Дантесе рисуют его довольно дружно, как легкомысленного красавца-офицера, веселого и остроумного, порою черезчур развязного и заносчивого, с склонностью к фатовству и расточительности. Сам исследователь не считает возможным принимать на веру воспоминания о Дантесе и находит нужным проверить их по сохранившимся документам: „Личности убийцы Пушкина необходимо посвятить особую статью, так как все, что мы знаем о нем до сих пор по рассказам и сплетням, далеко отстоит от засвидетельствованной документами действительности“—пишет П. Е. Щеголов в статье „Последняя дуэль Пушкина“ ²⁾.

Однако, рассказывая биографию Дантеса в посвященной ему главе исследования о дуэли и смерти Пушкина, П. Е. Щеголев всего несколькими строками

¹⁾ Документы быв. архива Гончаровых из имения „Полотняный Завод“ (Калуж. губ.) в настоящее время находятся в „Архиве Народного Хозяйства, Культуры и Быта“ в Москве.

²⁾ Изд. соч. Пушкина под ред. Венгерова, т. 6.

характеризует его личность, при чем целиком повторяет отзывы современников:

„Своими успехами он обязан был и покровительству Геккерена и собственным талантам. Красивый, можно сказать, блестяще красивый, кавалергард, веселый и остроумный собеседник, внушал расположение к себе. Этому расположению не мешала даже некоторая самоуверенность и заносчивость“¹⁾.

В общем перед вами встает довольно типичная и даже шаблонная фигура, в которой блестящие внешние данные, гарантирующие успех в обществе, прикрывают собой ничтожность и пустоту внутреннего содержания.

Попробуем от этого установившегося понимания личности Дантеса перейти к реальным фактам его позднейшей жизни. Как известно, с 1845 г. по 1870 г. он является не только заметной величиной в политических и дипломатических кругах Франции, но делает действительно блестящую карьеру: член Генерального Совета Верхнего Рейна, он был избран народным представителем в Национальное, а потом в Учредительное собрание, где имел значительный вес. При водворении Империи, которому он сильно способствовал²⁾, Луи-Наполеон облакает его тайной

1) „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 28.

2) В 1850 г. Дантес примкнул к кружку политических деятелей, сторонников президента принца Луи-Наполеона. Французский историк (P. de la Gorce „Histoire du Second Empire“. Paris 1899) характеризует этот кружок такими нелестными чертами, что личность Дантеса не делает чести сближению с ним, тем более, что

миссией к дворам Вены, Берлина и Петербурга. Сорока лет от роду, он уже сенатор и играет крупную роль в дипломатическом мире, особенно успешно выполняя различные „щекотливые“, по выражению биографа, поручения своего правительства в сношениях с другими странами¹⁾. Мало этого—председатель Генерального Совета Верхнего Рейна, командор Ордена Почетного Легиона, он становится во главе целого ряда промышленных предприятий, железнодорожных компаний, кредитных банков и страховых обществ, возникающих в это время во Франции. Одно перечисление различных родов его деятельности и успехов говорит о каком-то незаурядном даровании, заложенном в его личности. Если, действительно, в пору молодости Дантес был только пустым и фатоватым гвардейцем, то откуда в нем позднее эта кипучая деятельность, ведущая его от одного успеха к другому? Невольно в личности молодого офицера начинаешь искать то зерно, из которого впоследствии

об искренней преданности племяннику Бонапарта со стороны Дантеса—давнего легитимиста—не могло быть и речи. Луи-Наполеон, потерпевший неудачу при попытке окружить себя лучшими элементами Национального Собрания, был принужден приблизить к себе людей, „готовых на все, лишь бы ожидаемая награда была велика“.

1) Примером могут служить порученные Дантесу тайные переговоры с Берлином, Веной и Петербургом по поводу принятия принцем-президентом императорского титула в 1852 г. О переговорах с Николаем I в Берлине в мае этого года и об аудиенции, данной царем Дантесу, см. А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 г. СПб 1908 г., т. I, стр. 340.

выросла фигура сенатора и банкира, фигура так характерная для Франции эпохи финансового и промышленного расцвета в период Второй империи.

Несомненно, что залог успехов, сопровождавших жизнь Дантеса, скрывался в том „практическом чувстве действительности“ (выражение его французского биографа Луи Метмана), которое его никогда не покидало. В соединении с постоянной потребностью деятельности оно развило в нем необычайную приспособляемость к окружающей обстановке в смысле извлечения из нее максимальной материальной пользы.

Если бегло просмотреть жизнь Дантеса, то эта приспособляемость поражает как в крупных ее событиях, так и в мелочах. Совсем молодым человеком он покидает родину, которая не может ничего ему дать, кроме жалкого провинциального прозябания, для службы в чужой и наверно презираемой России. Родную семью, с трудом перебивающуюся за недостатком средств, он легко меняет на богатого приемного отца, открывшего ему широкую дорогу к будущему. Так позднее, в политической жизни он изменит легитимистским привязанностям для нарождающейся Империи, которая вознаградит его за это блестящей карьерой. Эти три факта достаточно ярко показывают, как приспособляющаяся личность Дантеса, так или иначе, великолепно учитывала представлявшиеся выгоды положения и обнаруживала высокую степень „практического чувства действительности“. Фигура Дантеса—это столь характерная для буржуазной

Франции фигура „арривиста“, великолепно изображенная Бальзаком в десятках его романов¹⁾.

История постепенного вхождения Дантеса в русское общество, изображенная П. Е. Щеголевым, убеждает в том, что и в мелких жизненных поступках его не покидало умение извлекать из всего пользу и шаг за шагом отвоевывать себе все более заметное положение. В этом отношении очень интересен отзыв о нем Павла Петровича Вяземского, не присеженный в книге П. Е. Щеголева: „Молодой Геккерен был человек практический, дюжинный, добрый малый, балагур, вовсе не Ловелас, не Дон-Жуан, а приехавший в Россию сделать карьеру“²⁾. В отзывах других современников практический дар Дантеса часто определяется эпитетом „ловкий“ и находит отражение в общем признании его исключительного умения располагать окружающих в свою пользу.

Как пример можно привести характерный случай, о котором узнаем из письма Андрея Ник. Карамзина от 15 июля 1837 г. А. Н. Карамзин весь этот год провел за границей и знал только по письмам родных о дуэли и смерти Пушкина. С Дантесом ранее, в Петербурге, он был в дружеских отношениях и с трудом поверил его низкой роли в истории дуэли. Искренняя скорбь, вызванная в нем кончиной Пушкина, а также

¹⁾ Характерно, что современники сравнивали историю Дантеса и Пушкина с Бальзаковским романом. См. письма А. Н. Карамзина, Стар. и новиз., кн. 17, стр. 270.

²⁾ „Пушкин по воспоминаниям и док. Остаф. арх.“, Барт., т. II, стр. 68.

письма родных охладили его к прежнему приятелю. Летом 1837 года он случайно встретился за границей с высланным из России Дантесом, который был по-прежнему очарователен своим остроумием и веселостью в обществе. Дантес, очевидно, очень хотел восстановить прежние отношения с Карамзиным и быстро сумел подкупить в свою пользу молодого человека, скучавшего за границей по родной семье.

„Он меня совсем обезоружил, коснувшись моего слабого места,— писал А. Карамзин матери.— Он мне постоянно высказывал такой интерес ко всей семье, он мне так часто говорил про всех вас и про Сашу особенно, называя его по имени, что последние облака негодования во мне рассеялись и я должен был сделать усилие над собой, чтобы не обращаться с ним так же дружественно, как раньше. Зачем бы ему предо мною лицемерить? Он уже в Россию не будет, а здесь он среди своих, он дома, и я для него нуль“.

Отметим, что у дружески расположенного Карамзина все же мелькает мысль о лицемерии Дантеса и о возможности каких-либо корыстных расчетов с его стороны. Очевидно эти свойства находились в каком-то соответствии с очаровательной фигурой молодого Дантеса.

Имея в виду практичность Дантеса, как главную и рано обнаружившуюся черту его характера, интересно рассмотреть важный эпизод его жизни, связанный с именем Пушкина, а именно его женитьбу на сестре жены поэта Екатерине Николаевне Гончаровой. Была ли эта женитьба сознательно изобретенным

удобным выходом из создавшегося черезчур острого положения, или запутавшиеся обстоятельства помимо воли привели Дантеса к этому решению,—и в том и в другом случае ему предстояло мириться со многими отрицательными сторонами, которые женитьба несла ему с собою. Одной из таких сторон была материальная необеспеченность невесты. Вопрос о приданом Е. Н. Гончаровой и роли, которую Дантес играл в нем, до сих пор вовсе не был затронут, а между тем, несомненно, он имел свое, и не последнее место в истории этой свадьбы.

Что Гончаровы были почти бесприданницы—об этом хорошо было известно всем. Даже в официальном донесении о дуэли Пушкина (прусского посланника Либермана) мы встречаем такую фразу о свадьбе Е. Н. Гончаровой: „Хотя девушка не имела никакого состояния, приемный отец молодого человека дал свое согласие на брак“¹⁾. История с приданым Н. Н. Пушкиной также хорошо свидетельствует об этом. Правда, с 1830 года многое изменилось: умер владелец всего имения дедушка А. Н. Гончаров, и наследником его оказался душевнобольной отец Гончаровых, Ник. Афанасьевич; имение немедленно было отдано в опеку старшему сыну Дмитрию Николаевичу, употребившему все силы на его восстановление. Однако суть дела оставалась та же—имение, в конце разоренное и обремененное долгами, было в безнадежном состоянии. Как ни тяжело было материальное положение

¹⁾ „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 67.

семьи Гончаровых, при браке Е. Н. Гончаровой создались такие условия, что нужно было во что бы то ни стало напрячь все силы и дать невесте сравнительно приличное обеспечение. С свадьбой приходилось спешить, чтобы прекратить двусмысленные толки, распространявшиеся в обществе, и „спрятать все концы в воду“, как писала тетка невесты Загряжская. Возраст невесты делал сомнительным возможность в будущем столь же блестящей партии и также побуждал особенно дорожить успехом. Может быть особая любовь, связывавшая брата-опекуна со старшей сестрой¹⁾, также имела некоторое значение— во всяком случае семьей были приложены все усилия, чтобы удовлетворить требования жениха, который не замедлил их выставить.

Мы не знаем, учел ли Дантес все перечисленные обстоятельства, но практический ум его сумел извлечь из предстоящего брака всю возможную выгоду, наглядно обнаружив те свойства дельца и приобретателя, которым суждено было так широко развиться впоследствии. По сохранившимся документам Гончаровского архива мы можем установить, что Дантес считал нужным обеспечить себе два обстоятельства: во-первых, он поставил условием ежегодную выплату его жене известной суммы, в виду того, что выделить ее часть имения до смерти больного отца было невозможно. Во-вторых, он захотел иметь гарантию

1) „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 312—314.

в том, что современем эта часть наследства без всяких препятствий перейдет к его жене, при чем желал строго фиксировать об'ем наследства.

Эти вопросы Дантес должен был выяснить с опекуном имения, Дмитрием Николаевичем Гончаровым, который к свадьбе приехал из Москвы в Петербург и привез официальное согласие родителей невесты. По первому выставленному Дантесом пункту опекун дал устное обещание выплачивать ежегодно сестре по 5.000 руб. асс., при чем 10.000 руб. были выданы немедленно на приданое невесте. По второму пункту Дантес хотел иметь нечто более прочное, чем устное обещание. Так как никакого имеющего юридическое значение акта Д. Н. Гончаров выдать Дантесу при жизни отца не мог, то было изобретено нечто среднее между официальным документом и частным соглашением. Все три брата невесты в присутствии трех приглашенных свидетелей составили так называемую запись, в которой изложили ряд обещаний, заверенных в заключение честным словом и обязательством исполнять запись также, как если бы она „дана и совершена была от крепостных дел“, т.-е. имела бы юридическое значение. Этот интересный документ с собственноручными подписями братьев и свидетелей сохранился в архиве Гончаровых (см. приложения, документ № 1); другой экземпляр его, очевидно, хранился у Дантеса.

Интересно установить, когда была дана эта запись. В бумагах Д. Н. Гончарова, относящихся к позднему времени, есть указание, что запись была дана

тогда же, когда и устное обещание об уплате 5.000 рублей ежегодно, т.-е. „в Генваре месяце 1837 г. при бракосочетании“. Свадьба Дантеса с Е. Н. Гончаровой состоялась 10-го января. Между тем запись начинается словами: 1837 г. февраля — дня (вместо даты черта). Следовательно, запись дана была уже после смерти Пушкина, вероятнее всего, когда выяснилась необходимость отъезда Дантеса из России. Может быть, при свадьбе вопрос был принципиально решен, в феврале же, перед отъездом Дантеса (Дантес уехал 19 марта 1837 г.), был лишь оформлен. Во всяком случае, в деле истории записи Дантес играл очень активную роль. Десять лет спустя Д. Н. Гончаров, составляя официальную записку с объяснениями по поводу денежных дел, связывавших его с Дантесом, так писал о документе 1837 г.: „Хотя и дано ему (т.-е. Дантесу) было от нас всех членов семейства удостоверение в обязательстве нашем выделить его жене, сестре нашей, 300 душ из имения отца нашего, но это было сделано нами не более, как по собственному его, Геккерна, настоянию и для убеждения его во всегдашней нашей готовности ничем не обидеть в свое время жену его, сестру нашу, при наступлении времени раздела имения нашего родителя после кончины его, когда она последует, и хотя тогда ему представляемо было от нас, что это наше удостоверение дается ему частным образом, по закону же русскому, изложенному в 1144 ст. X тома Зак. Гражд., мы не имеем никакого права подтвердить ему сию нашу готовность на таковой выдел

части из ожидаемого еще нами наследства никаких актов, в законную форму облеченных...“

Очевидно опасения Дантеса, что его жена при отъезде за границу и при общем враждебном отношении к нему после смерти Пушкина может быть обойдена наследством, вызвали в записи 1837 г. успокаивающую фразу, старательно подчеркнутую: „всякий член семейства без обиды один другому имеет получить ту часть, какая законом ему положена...“

Вместе с тем его предусмотрительность и расчетливость заставила братьев Гончаровых дать самоотверженное обещание на пополнение доли Екатерины из собственных частей в том случае, если она „не будет составлять полных триста мужеска пола душ“. Цифра триста душ давно укрепилась в расчетах семьи: еще дедушка Афанасий Николаевич при выходе замуж младшей внучки Натальи Николаевны за Пушкина предполагал ей, как и другим сестрам, выделить именно 300 душ из Нижегородского имения, о чем свидетельствуют бумаги того же архива.

Итак, своими настояниями Дантес сумел при самых неблагоприятных для него условиях обеспечить себе материальную сторону брака. То, что Пушкину при его женитьбе на одной из Гончаровых стоило стольких волнений и семейных сцен и кончилось им же данной ссудой в 10.000 рублей на приданое невесте,— то Дантесу при женитьбе на другой сестре удалось прочно закрепить не только для текущего момента, в виде выданных к свадьбе 10.000 рублей, но и на будущее время.

По другим документам архива мы можем проследить дальнейшую судьбу обоих обязательств, выданных братьями Гончаровыми Дантесу, как о выдаче денег, так и о выделе имения. Эти сведения значительно пополняют собранный П. Е. Щеголевым в его книге материал о позднейших отношениях Дантеса к России.

Сохранились подробные счета сумм, выданных баронессе Геккерен с декабря 1836 г. по 1848 г. Они показывают, с каким трудом и с какой задержкой производилась выплата обещанной суммы. Уже за 1837 г. сумма уплачивалась в шесть приемов в течение двух лет. За 1838 г. уплата производилась в течение 1839 и 1840 гг.; за 1839 г. уплачено было в 1841 г. После этого уплата совершенно прекратилась, дела пришли в такой упадок, что перед опекуном встал вопрос о продаже всего имения или его части. О планах относительно продажи и о расстроенных делах имения Д. Н. Гончаров все время информировал Дантеса, считаясь с его мнением, как с мнением равноправного участника в наследстве.

Между тем Дантес не находил нужным ставить в связь обещанную ренту с состоянием имения, что, естественно, делал Гончаров. К 1843 г. задержка денег начала его сильно беспокоить, и он, после бесполезного личного обращения к Гончарову, решил привлечь в посредники третье лицо, неизвестного нам влиятельного графа, которому незадолго перед тем Д. Н. Гончаров был обязан благополучным исходом какого-то судебного процесса. Граф запросил о сущности денежных отношений, связывавших баронов

Геккерен с Гончаровыми, и в ответ на этот запрос Д. Гончаров подробно изложил известные нам обязательства 1837 г. По сохранившемуся в архиве черновику письма Гончарова к графу (см. приложения, док. № 2) можно легко проследить, как сильно изменился взгляд его на данные обязательства. Он обещал продолжать денежную выплату, но не в размере 5.000 рублей ежегодно, а столько, сколько будут получать и две другие сестры, в зависимости от состояния имения. Он усиленно выдвигал именно эти два пункта: 1) равенство прав всех членов семьи, в котором жена Дантеса не могла занимать особого места; 2) печальное состояние имения, препятствовавшее правильной уплате какой-либо суммы.

Это письмо Гончарова не могло удовлетворить Дантеса. Смерть Екатерины Николаевны в конце этого же 1843 г. вероятно несколько отсрочила его новые попытки получить задержанную сумму от Гончаровых. В 1845 г. он их возобновил, избрав вновь посредника в лице французского консула в Петербурге М-г Walade. Письмо консула к Гончарову (см. приложения, док. № 3) рисует твердую позицию Дантеса в этом деле, основанную на обязательствах 1837 г. Дантес по-прежнему не хотел ставить в связь обещанных денег с состоянием имения и в этом взгляде на характер уплачиваемой суммы крылось будущее его столкновение с Гончаровым.

В ответе Гончарова консулу (см. приложения, док. № 4) сквозит сильное раздражение, вызванное настойчивыми требованиями Дантеса и его нежеланием

считаться с интересами других родственников. Он указывал, что официальное вмешательство властей в дело ничего не может изменить, вновь описывал печальное положение имения и крутые меры, которые он предполагал принять в ближайшем будущем для очистки от долгов хотя бы незначительной его части. Из нее он обещал выделить Дантесу законную его долю: „Мой зять,—писал он консулу,—получит долю своей жены ровно в таком же размере, как и другие сестры, ни более, ни менее, при чем, само собой разумеется, лишь то, что останется, когда долги, приходящиеся на каждую часть, будут уплачены“. Об обязательстве 1837 г. нет и не может быть более речи. В заключении письма Гончаров просит Дантеса терпеливо ждать окончания дела.

После этого письма, относящегося к 14 июня 1846 г., прошло еще два года, полных для Гончарова всевозможными осложнениями и хлопотами в связи с наследством. В 1848 г. он выслал Дантесу сумму в размере 700 рублей, но последний в этом же году затеял через поверенного дело о взыскании причитающихся ему денег и доли наследства.

Выступление Дантеса с официальным иском сильно поразило и возмутило Гончарова. Видеть ближайших родственников среди бесчисленных и безжалостных кредиторов, которые одолевали его своими требованиями, было ему тем более тяжело, что для родной семьи и устройства ее дел он отдал столько сил и времени. Сам он, как старший в роде, был наследником майората „Полотняный Завод“, по закону осво-

божденного от долгов, и мог бы остаться спокойно в стороне от дел по наследству. Но уступая просьбам родных, он еще в 1832 г., двадцатичетырехлетним юношей, взял на себя неблагоприятное и трудное дело—опеку безнадежно разоренного имения. Он пожертвовал для этого своей карьерой, как мы узнаем из одного документа, находящегося в этом же архиве (обращение к кредиторам 1833 г.): „Оставаясь я, Дмитрий, старшим лицом в роде нашем, притом уступив воле родительницы и убеждениям родных братьев и сестер моих, вынужден я был, оставив все лестные для себя виды по службе в С.-Петербурге и при дворе, под'ять, вместо того, всю тяжесть и бремя управления, оставшегося в совершенном расстройстве и при многочисленных долгах, после деда нашего имения“. Выйдя в отставку, Д. Н. Гончаров обрек себя на тяжелую задачу „делать извороты и попечения для спокойствия кредиторов и устройства семейного положения“ (как говорится в другом документе),—задачу, не разрешенную им до самой его смерти в 1859 г.

Претензии Дантеса поставили его в необходимость защищать свою позицию по всем пунктам. Им была составлена большая объяснительная записка, предназначенная для представления в соответствующее учреждение (см. приложения, документ № 5), и ряд специально изготовленных счетов. Признаваясь по необходимости в обязательствах, данных в 1837 г., на которых Дантес продолжал настаивать, Гончаров заметно смягчал их в свою пользу разными оговорками,

что видно при сличении двух редакций объяснительной записки. Особенно он настаивал на равенстве прав всех трех сестер и приводил итоги сумм, выданных Н. Н. Пушкиной-Ланской, А. Н. Гончаровой и Е. Н. Геккерен. Оказывалось, что последняя получила значительно больше, чем две другие, и, следовательно, Дантес менее других имел право претендовать на уплату ему денег. Особенно Гончаров находил нужным подчеркнуть сравнительное положение Н. Н. Пушкиной-Ланской и баронессы Геккерен. „Н. Н. Ланская хотя и равна в правах с Е. Н., а получила только 21.023 руб. 93 коп., почти вдвое меньше, чем Е. Н. —, пишет он в примечаниях к сравнительному счету всех трех сестер. Во всей объяснительной записке заметно явное раздражение против Дантеса. Довольно ядовито подмечает ее составитель то обстоятельство, что Дантес, высчитавший тщательно проценты на задолженную сумму, совершенно умалчивает о 10.000 рублях, полученных в 1837 г. в виде приданого Е. Н. к свадьбе. Гончаров ставит эти деньги в общий счет уплаченных сумм, Дантес же исключает. О том же раздражении Гончарова свидетельствует небольшая карандашная заметка его на обложке одного из счетов. Отмечая себе для памяти необходимость тщательно и осторожно сбалансировать суммы, уплаченные трем сестрам, он пишет между прочим: „Выкинуть из бумаги жесткие выражения, которые по негодованию вырвались по-неволе“.

Текст объяснительной записки составлялся Гончаровым в течение 1848—1852 гг. За это время

Гончаров много раз тщательно проверял счета и изменял выражения записки, стремясь как можно отчетливее показать свою, если не официальную, то внутреннюю правоту и посрамить жестокого противника.

Вряд ли это негодование и волнение раздраженного Гончарова могло сколько-нибудь задеть барона Геккерена-Дантеса, находившегося в зените своей политической и финансовой карьеры. Вряд ли и та сумма, о которой шла речь, была для него особенно значительна. Но он чувствовал себя правым перед законом, требовал только то, что ему были обязаны отдать, что ему принадлежало на законном основании, и, как человек деловой, шел к цели официальным путем—судебным иском. Он сумел также красиво задекорировать свои настойчивые требования: отец четырех детей, он не мог оставаться равнодушным к их интересам и требовал деньги, нужные для их воспитания. Эту причину выставил он в письме к консулу Wadlade, прося о посредничестве.

Документы архива, бывшего в нашем распоряжении, обрываются на 1852 г. Однако и десять лет спустя, 1862 г., наследники Афанасия Николаевича Гончарова все еще не пришли к соглашению в дележе имений и долгов тридцать лет назад умершего деда ¹⁾.

1) „Проект раздела“, составленный в ноябре 1862 г. от лица всех оставшихся в живых наследников Гончаровых. Никаких следов обязательства 1837 г. в этой бумаге нет. Приношу благодарность П. Е. Щеголеву за сообщение мне этого документа, а также за указание некоторых печатных материалов, которыми я воспользовалась в этой статье. В. Н.

К этому времени умер и Дмитрий Николаевич Гончаров; в число наследников были включены и его дети, рядом с детьми умершей баронессы Геккерен. Снова в 1862 г. составлялся перечень всех земель нижегородских и калужских и делились „души“. Огромные долги, падавшие на долю каждого наследника, почти уничтожали собой выгоды наследства. Состоялся ли в 1862 г. раздел имений, и как примирились в конце концов Геккерены и Гончаровы—мы не знаем и в сущности это не важно для целей данной работы.

Для главной действовавшей в ней фигуры—Дантеса, приведенных документов достаточно, чтобы с незатронутой еще стороны коснуться его личности и дать новый материал для его более полной и глубокой характеристики, чем та, которую мы имели до сих пор. Так, по нашему мнению, должны быть оставлены предположения о том, что Дантес всю жизнь мучился угрызениями совести при встречах с русскими людьми¹⁾. Человек, который так настойчиво и лицемерно стремился вырвать свою долю наследства в ущерб семье убитого им поэта, не заслужил их.

В. Нечаева.

¹⁾ См. статью Б. Л. Модзалевского „Новые материалы о душе и смерти Пушкина“, изд. Атеней, 1924 г., стр. 14: „Физический убийца—Дантес всю дальнейшую жизнь ощущал на себе упрек лучшей части русского общества. Всякая встреча с новым русским человеком в течение всей долгой жизни Дантеса была для него, без сомнения, тяжела и заставляла его настораживаться и чувствовать новые угрызения совести...“

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. 1)

1837 Года, Февраля—дня, мы нижеподписавшиеся двора Е. И. В. Камер-Юнкер и Кавалер Дмитрий, Лейб-Гвардии Гусарского Полка Поручик и Кавалер Иван и отставной поручик Сергей Николаевы, дети Гончаровы учинили сию запись в том: после покойного деда нашего Надворного Советника и Кавалера Афонасия Николаевича Гончарова досталось по наследству родителю нашему Коллежскому ассесору и кавалеру Николаю Афонасьевичу Гончарову и состоит ныне по 8-й ревизии за ним недвижимого имущества как-то: дворовых людей и крестьян с землею в разных Губерниях, Уездах и Селениях, а именно: Калужской: в Медынском—639; Московской: в Можайском—165; Рязанской: в Зарайском—576; Нижегородской: в Балахнинском—873 и доставшегося ему родителю нашему по наследству ж после матери его Надежды Платоновны Гончаровой, Рязанской Губернии: в Пронском Уезде—249 и Новгородской Губернии, в Белозерском Уезде—30, а всего по 8-й ревизии 2.532 мужеска пола души да в Москве деревянный дом (кроме фабрик в Медынском Уезде, состоящих и принадлежащих к оным на особенных правах крестьян); все сие имение и дом находятся в залогах в Московском Опекуном Совете и у Партикулярных лиц и по случаю болезненного положения родителя нашего состоит в Опекуном Управлении, и как оное имение при жизни родителя нашего принадлежит одному ему и не может быть между

1) Документы № 1 и № 5 печатаются по новой орфографии, но с сохранением характерных особенностей орфографии подлинников.

нами разделено, как после его кончины на законном основании (кроме фабрик и принадлежащих к оным крестьян, состоящих на особом положении) и всякий член семейства нашего без обиды один другому имеет получить ту часть, какая законами ему положена, ибо ни один из нас до сего времени никакой части в отделе не получал и награжден особо не был, кроме как мы сами от покойного деда нашего слышали лично, что он назначает сестрам нашим из нижегородского его имения каждой по триста душ мужеска пола с принадлежащею на оные землею; хотя мы ныне не имеем во владении нашем вышеописанного имения, но желая обеспечить состояние сестры нашей, вышедшей ныне в замужество, Екатерины Николаевны по замужеству Баронессы Эккерн, из добровольного нашего согласия, если при будущем разделе нашего имения, оное будет состоять из теперешнего числа душ наличными укавая ее Екатерины часть не будет составлять полных триста мужеска пола душ, кои должны быть выделены ей из состоящего Нижегородской Губернии в Балахнинском Уезде, то мы согласно предположению покойного деда нашего Афонасия Николаевича Гончарова обязуемся таковой недостаток добавить из собственных наших частей в том же Балахнинском уезде так, чтобы составить владение ее Екатерины полные по ревизии триста мужеска пола душ и с принадлежащею им землею, с тем, однако же, сжали в течение времени долг, на означенном имении лежащий, не будет уплочен, то при получении ею, сестрою нашею Екатериною, имения в ее владение должна она принять и долгу, что по расчету на таковую ее часть, то-есть на триста душ причитаться будет; есть ли ж в течении времени имение родителя нашего умножится так, что указная ее Екатерины часть сама собою составлять будет до трехсот душ или более, в таком случае мы из своих частей никакого прибавления или уступки ей, Екатерине, делать не обязаны, а должна она оставаться довольною собственно тем, что ей достанется на указную ее часть. А есть ли бы сестра наша Екатерина Николаевна, по муже баронесса Эккерн, скончалась прежде родителя нашего, не оставя потомства, то акт сей не должен иметь никакой

силы в отношении к мужу ее, которому в таком случае довольствоваться указною частью из доли, какая сестре нашей из отцовского наследства следовать будет по закону. В заключение обязуемся за себя и наследников наших и ручаемся честным своим словом сохранить и в свое время исполнить добровольно принятую нами силою сей записи обязанность столь свято и ненарушимо, как бы она дана и совершена была от крепостных дел. Во удостоверение чего мы и подписали оную собственноручно в присутствии упрощенных свидетелей.

Камер-Юнкер *Дмитрий Гончаров.*
Лейб-Гвард. поруч. *Иван Гончаров.*
Отставной Поручик *Сергей Гончаров.*
Свидетели были: Генерал-Лейтенант *Бистром.*
Генерал *Мещеринов.*
Гвардии поручик *Семен Хлюстин.*

№ 2.

(Перевод с французского.)

ГРАФ.

В ответ на письмо, которое Вы изволили написать мне с целью узнать об обязательствах, принятых мною на себя по отношению к сестре моей Екатерине, я имел честь вам сообщить, что они такие же, как и к другим членам моей семьи, а именно: доставлять им содержание из доходов с имущества моего отца, владениями которого я управляю в звании опекуна. Действительно, в течение нескольких лет, к моему большому сожалению, я задержал высылку доли Екатерины; это произошло вследствие плачевного упадка, в котором находится, обремененное долгами, имение моего отца. Тем не менее я имею ввиду тотчас же, как только средства мне позволят, уплатить недоимки Екатерине. Я твердо намерен рассматривать ее права наравне с правами других сестер. Впрочем не одна Екатерина принуждена была страдать от недоимок, так как содержание

других членов семьи было тоже более или менее задержано (несколько слов не разобрано). Что касается акта, выданного Екатерине акта основанного не на законе, а на совести, подписанного мною и моими двумя братьями, копию которого прилагаю. то он не может иметь силы ранее смерти моего отца, при жизни которого мы ни в каком случае не можем распорядиться его наследством. Кроме того, осуществление этого акта будет зависеть, как и было обусловлено, от положения, в котором будет находиться общее состояние дел семейства. Мои два брата, правда, сделали мне предложение уплатить им одновременно по 50 тысяч каждому, с условием законным образом отказаться от участия в будущем разделе отцовского наследства. Чтобы согласиться на это предложение, я должен сначала найти средства сделать личный заем; предполагая даже, что я смогу сделать этот заем, я должен быть предварительно уверен в том, что кроме двух братьев другие члены семьи согласятся также на подобные условия.

Эти условия должны быть заключены пропорционально правам братьев, требования которых, с точки зрения закона, должны быть более значительны, чем притязания одной из сестер. Мне нет никакой выгоды делать частный заем для того, чтобы освободиться лишь от некоторых членов семьи (несколько слов не разобрано) ... я не получу от этого полной свободы распорядиться делами, так как буду обязан считаться с согласием и мнением тех членов семьи, которые не отказались от наследства отца.

В этом смысле я написал моему зятю в текущем 1843 году; не имея от него ответа по этому вопросу, я не могу дать ход предложению моих братьев. Итак я ожидаю заявления намерений моего зятя Геккерена по этому поводу.

Конечно, я не могу уверять, что смогу осуществить заем, а вместе с ним план, о котором идет речь, но во всяком случае мне необходимо иметь общее согласие всех членов семьи, чтобы уверенно действовать и направлять все расчеты к выполнению соглашения, предложенного братьями. Вот почему я жду мнения Геккерена по этому вопросу.

(Перевод с французского.)

ГОСПОДИНУ ДМИТРИЮ ГОНЧАРОВУ.

С.-Петербург, 25/13 декабря 1845 г.

Милостивый Государь,

Г. Дантес Барон де Геккерен, Ваш зять, только что прислал мне письмо, прося меня обратиться к Вам с требованием просроченных недоимок ежегодной ренты, которую Вы обязались платить покойной Баронессе Геккерен, его жене. В настоящее время эта рента стала собственностью его четырех детей на основании завещания их скончавшейся матери.

Обращение мое к Вам является личной услугой и вовсе не официальным; в деле настолько интимном и чисто семейном я считаю нужным избегать вмешательства всякой власти, не исключая даже посольской.

Я хотел бы надеяться, Милостивый государь, что Вы оцените мою осторожность, и что с Вашей стороны Вы ничего не пощадите, чтобы привести это дело к мирному соглашению.

Г. Барон де Геккерен сообщил мне, что став во главе семейства еще при жизни Ваших родителей, Вы управляете общим состоянием, и что при выходе замуж Вашей сестры Вы дали ей обязательство выплачивать ежегодную ренту в размере 5.000 р. ассигнациями. Вы выполняли это условие в течение двух лет, но вот уже семь лет, как высылка денег, переправлявшихся обычно Вашей сестре баронессе, Вами прекращена с указанием на временные затруднения и с приглашением потерпеть заинтересованных лиц. Г. Барон де Геккерен не скрывает от меня, что отсутствие этого дохода, образующего к настоящему времени капитал в 35.000 руб. ассигнациями, чрезвычайно вредно для его дочерей, и он считает себя обязанным в дальнейшем предоставить им эти необходимые для воспитания средства.

Именно вследствие этих обстоятельств и причин Ваш зять обратился ко мне, как соотечественнику, с просьбой о посред-

ничестве, стремясь напомнить Вам и призвать Ваше внимание к договору, который Вы заключили с его семьей.

Я буду счастлив, если получу от Вас скорый и удовлетворительный ответ, а также всю или часть суммы, которую Вы должны Вашим племянникам. Я не замедлю отослать им то, что Вы будете добры прислать для них.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении

Консул Французского посольства в России, Офицер Королевского Ордена Почетного Легиона
(имя не разобрано) *Валад.*

№ 4.

(Перевод с французского.)

Милостивый государь.

Я имел честь получить Ваше письмо от 25, 13 декабря. Благоволите принять мою искреннюю благодарность за деликатность Вашего поведения в этом деле, с которою Вы избегли вмешательства в него всякой власти, вмешательства, которое возбуждая затруднения как с той, так и с другой стороны, было бы напрасно и бесполезно даже для моего зятя. В этом Вы легко убедитесь, вникнув в обстоятельства, которые я считаю себя обязанным Вам изложить.

Действительно, на меня возложено с согласия всей семьи управление состоянием моего отца; однако, звание опекуна не дает ни права, ни достаточной гарантии к тому, чтобы заключать определенные и стойкие обязательства с кем-нибудь из членов семьи. Подобные сделки, имеющие ввиду состояние моего отца, управителем, а не владельцем которого я являюсь, не могут иметь силы закона.

Все, что было возможно и что было в моем распоряжении, я высылал моей покойной сестре. В настоящее время состояние

моего отца до такой степени обременено долгами, как частными, так и казенными, что большей его части угрожает продажа с публичного торга. Для избежания этого, опека была принуждена представить на усмотрение правительства роспись долгам, чтобы иметь возможность с ними рассчитаться.

Вероятно, через несколько месяцев решение правительства последует, и тогда, по выяснении наличности средств, мой зять получит долю своей жены равную долям других сестер, ни более, ни менее, при чем разумеется лишь то, что останется по покрытии долгов, приходящихся на каждую часть.

Незадолго до получения Вашего письма я уже сообщил моему зятю в первых числах истекшего декабря о состоянии семейных дел и о распоряжениях, которые касаются его детей. Я надеюсь, что, получив мое письмо, он убедится в невозможности ускорить действия и так же как и другие члены семьи будет ждать окончания всего этого дела.

Примите, Милостивый Государь, уверение в моем глубоком уважении.

Г-ну Валад, французскому консулу в Петербурге.
14 июня 1846 г.

№ 5.

Поздняя редакция.

Ранняя редакция.

Прислана нам для объявления записки, составленная по претензиям барона Георга Карла Геккерна о деньгах, следующих ему из доходов имения родителя нашего, а его тестя, коллежского ассесора Николая Афанасьева Гончарова, и об указанных частях как из имения сего тестя его, так и умершей его тещи, а нашей родительницы коллежской ассесорши Натальи Ивановой Гончаровой. Из записки этой видно, что барон Геккери претензии

свои как о деньгах, из доходов имения тестя своего ему следующих, так и об указной части из самого имения тестя своего основывает первую 1) на предположении, объявленном словесно из нас бывшим тогда опекуном над всем имением Гончарова, Дмитрием Гончаровым при бракосочетании его, Геккерна, с сестрою нашею Екатериною Николаевою Гончаровою, о платеже ей ежегодно по возможности по 5.000 руб. ассиг. из доходов имения нашего родителя, а последнюю на письменном удостоверении, данном ему Геккерну, от всех членов нашего семейства в то же время в выделе ей, сестре нашей, его жене, Екатерине Геккерн, урожденной Гончаровой, по смерти нашего родителя из имения его 300 душ; против сих претензий его, барона Геккерна, мы честь имеем объяснить, что действительно в 1837 году, из нас Дмитрием Гончаровым 2) объявлено было ему, барону Геккерну, словесно предположение о выдаче ежегодно сестре нашей по 5.000 руб. ассиг., по возможности, из доходов имения нашего родителя, что и было Дмитрием Гончаровым выполняемо в продолжение нескольких лет, как видно из письма его к поверенному барона Геккерн, от 29 января 1848, до 1845 и 1846 годов, с коих он начинает рассчитывать, часть ее баронессы Геккерн наравне с прочими сестрами 3) которые никогда не получали такой суммы

1) „первую на обещании, данном из нас бывшим тогда опекуном над всем имением Гончаровых Дмитрием Гончаровым в генваре месяце 1837 года при бракосочетании его с сестрою нашею фрейлиною Екатериною Николаевою Гончаровою о платеже ей до 5.000 руб. ассигн. из доходов имения нашего...“
(Дальше, как в поздней редакции).

2) „Дмитрием Гончаровым было дано ему, барону Геккерну, обещание о выдаче ежегодно сестре нашей по 5.000 руб. ассигн. из доходов...“
(Дальше, как в поздней редакции).

3) „наравне с прочими сестрами по 1.500 руб. ас-

даже и 1839 года, в котором о последующих годах гродано по упадку дел опекаемого имения болезненного нашего родителя и по распоряжению Правительствующего Сената 858 душ, во все же время состояния имения нашего родителя в опеке прочие сестры наши Наталья Ланская и Александра Гончарова получили по жительству их вместе из доходов этого имения на свое содержание по настоящее время 95.193 руб. 64 $\frac{1}{2}$ коп. ассигн., а жена барона Геккерн 45.692 руб. 73 коп. ассигн., как это можно усмотреть из представляемых нами при сем двух счетов, подписанных из нас, одного Дмитрием, а другого Сергеем Гончаровыми, следовательно, она до уравнивания своей части с частями прочих сестер недополучила только 1.904 руб. 9 $\frac{1}{4}$ коп. ассигн., но и те ей не будут приходиться к получению, если высчитывать так же, как высчитывает барон Геккерн проценты на суммы, получаемые ею за несколько лет вперед, как это, например, в 1837 году она получила при выходе в замужество одновременно 11.740 руб. ассигн., о получении которых неизвестно почему он, Геккерн, вовсе умалчивает. Что же касается до второй его претензии на невыдел ему указной части из 300 душ из имения его тестя, то хотя и дано ему было от нас всех членов семейства удостоверение в обязательстве нашем выделить его жене, сестре нашей 4)

сигн. в год, ибо прочие сестры наши, Наталья Ланская и во все последние восемь лет Александра Гончарова не получали такой суммы не только после упадка дел опекаемого имения, но даже и до того времени, то-есть до 1839 года, в котором и последующих годах продано по таковому упадку дел и по распоряжению Правительствующего Сената до 1.000 душ (каранд. зачеркнуто 1.000 и написано 858) из имения нашего родителя, а со времени продажи этих имений прочие сестры наши, Наталья Ланская и Александра Гончарова, даже до настоящего времени ограничивались количеством получения не более 1.500 руб. ассигн. в год, а иногда и того менее; и таким образом естли за среднее количество суммы, приходившейся прочим сестрам нашим к получению каждогодно, взять 1.500 р. ассигн., то в течение 15 лет каждой из них следовало получить из доходов имения своего отца только по 22.500 руб.

300 душ из имения отца нашего, но это было сделано нами не более как по собственному его, Геккерна, настоянию и для убеждения его по всегдашней нашей готовности ничем не обидеть в свое время жену его, сестру нашу, при наступлении времени раздела имения нашего родителя после кончины его, когда она последует, и хотя тогда ему представляемо было от нас, что это наше удостоверение дается ему частным образом, по закону же русскому, изложенному в 1149 ст. X тома Зак. Гражд., мы не имеем никакого права подтвердить ему сию нашу готовность на таковой выдел части из ожидаемого еще нами наследства никаким актом в законную форму обремененным; почему в сем частном нашем удостоверении и сделаны нами оговорки; чтобы исполнить сей выдел из имения отца нашего в означенном количестве в таких лишь случаях, если имения те до их раздела не подвергнутся никакому изменению ни в качестве, ни в количестве их; от исполнения же сего обязательства в свое время, то-есть по кончине болезненного нашего родителя, мы никак не намерены отступить и всегда будем готовы его выполнить 5) в той мере, какую представят нам тогда обстоятельства и с ними согласные законы.

Относительно же указной части, следующей его детям из имения родительницы нашей Натальи Гончаро-

ассигн., жена же барона Геккерна, естли полагать даже согласно показанию ее мужа, получила в три года от Дмитрия Гончарова 15 тыс. руб. ассигн. да 10 тыс. руб. в том же 1837 году, о получении которых он, барон Геккерн, вовсе умалчивает, между тем как из всего этого следует, что она получила доходы эти за 15 лет вперед и даже в сравнении с прочими сестрами с излишком 2.500 руб. ассигн., не включая по настоящее время на них же процентов, как высчитывает барон Геккерн по своей претензии, ни платежей, сделанных ему Дмитрием Гончаровым, как видно из упоминаемого письма его к поверенному Г. Геккерна, и с 1839 года по 1845 год, что же касается до второй его претензии...“ (Дальше, как в поздней редакции).

4) „выделить его жене, сестре нашей, покойной Екатерине Николаевне баронессе Геккерн 300 душ...“ (Дальше, как в поздней редакции).

вой, можем здесь сказать только то, что это все имение по разным обстоятельствам взято правительством после ее кончины в опекуное управление, во время которого до настоящего времени постоянно отделялась опекуном следующая на них по закону часть из доходов, тем ее имением приносимых, и представлялась ежегодно в Московскую дворянскую опеку; а во 2-х, что к разделу самого имения б) этого нами в настоящее время уже приступлено под наблюдением интересов малолетних Геккерн опекуна, назначенного к сему разделу от правительства.

Мая 1852 (переделано из 1848).

Подписи { *Н. С. Д. Гон...*
Р. И. Гон...
К. Р. Сер. Гон...

5) „всегда будем готовы его выполнить, но в той только мере, какую представят нам тогда обстоятельства и с ними согласные законы“.

(Дальше, как в поздней редакции).

б) „и во 2-х, что к разделу самого имения мы намерены приступить до истечения законного срока“ (конец).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адлерберг гр. Алдр. Влад.—17.
 Адлерберг гр. Влад. Фед.—14, 15.
 Аксаков Ив. Серг.—13, 58.
 Александр I—27.
 Александр II—4, 13, 17, 20, 22, 32, 58.
 Аммосов А.—8, 9, 11.
 Апраксин гр. Степ. Фед.—62, 63.
 Арендт Ник. Фед.—43, 51, 53, 55, 62.
 Аржевитинов Ив. Сем.—37, 39.
 Арсеньев Конст. Ив.—29, 32.
 Арсеньева Елиз. Алекс.—39.
 д'Аришак бар.—22.
Бальзак—72.
 Баранов гр. Эд. Троф.—17.
 Барант бар.—18, 34, 36, 38, 41.
 Барант бар. сын—18.
 Бартенев Петр Ив.—7, 10, 11, 14, 15, 49.
 Безгин—42.
 Бенкендорф гр. Алдр. Христ—20, 30, 54, 61.
 Бистром—88.
 Блеклов С.—13.
 Боратынский Евг. Абрам.—48.
 Борх гр. София Ив.—21.
 Бруни Фед. Ант.—67.
 Булгаков Алдр. Яков.—4, 33, 41, 50, 51, 55, 56.
 Булгарин Фад. Бенед.—19.
 Валад—80, 84, 90, 92.
 Васильчикова Алексан. Ив.—14.
 Венгеров Сем. Афан.—7.
 Верстолк бар.—64.
 Веселовский Алдр. Ник.—56.
 Виельгорский гр. Мих. Юр.—55.
 Волконская кн. София Григ.—36.
 Волконский кн. Петр Мих.—36.
 Воронцов кн. Сем. Мих.—14.
 Востоков Алдр. Христ.—31.
 Вяземский кн. Пав. Петр.—16, 19, 72.
 Вяземский кн. Петр Андр.—4, 15, 16, 22,—24, 27, 34—36, 38, 39, 51, 52, 54, 61, 62, 66.
 Гагарин кн. Ив. Серг.—6—11.
 Геккерен бар. Ек. Ник.—см. Гончарова Е. Н.
 Геккерен бар. Луи—4, 6, 7, 10, 20, 21, 38, 41, 49, 58, 61—65, 69, 71.
 Геккерен бар., дети Дантеса—84, 85, 90, 92, 95, 96.
 Герцен Алдр. Ив.—15.
 Гершензон Мария Бор.—29.
 Гершензон Мих. Осип.—3, 29.
 Гогенлсе-Кирхберг кн.—41.
 Гоголь Ник. Вас.—25.
 Голицын кн. Алдр. Ив.—18.
 Голицын кн. Алдр. Мих.—4, 6, 16, 17.
 Голицын Влад. Мих.—7, 17.
 Голицын Мих. Влад.—7, 17.
 Голицын Ник. Влад.—4, 26, 29.
 Гольцев Влад. Влад.—4.
 Гончаров Афан. Ник.—74, 78, 84, 86, 87.
 Гончаров Дм. Ник.—74,—77, 79—95.
 Гончаров Ник. Афан.—74, 86, 87, 89,—95.
 Гончарова Екат. Ник.—24,—26, 43, 73—83, 87—91, 93—95.
 Гончарова Над. Плат.—86.

Гончаровы (семья Ник. Аф. и Нат. Ив.)—5, 68, 74, 76—78, 80—96.

Грановский Тим. Ник.—5, 42—5.

Гринвальд Род. Егор.—62—64.

Грот Конст. Яков.—62.

Гурьев гр. Дм. Алдр.—18.

Давыдов Ден. Вас.—62.

Даль Влад. Ив.—55.

Данзас Карл Карл.—8, 38, 40, 43, 50.

Дантес-Геккерен бар. Жорж—5, 14, 21, 22, 24—26, 38, 40, 41, 43, 49, 57, 61, 63, 66—85, 88—96.

Долгоруков кн. Петр. Влад.—4, 6—15, 17, 22.

Дубельт Леонтий Вас.—30, 65.

Екатерина II—34, 35.

Жуковский Вас. Андр.—4, 27, 29, 30, 32, 51—56, 59, 61, 62, 65, 66.

Загряжская Екат. Ив.—75.

Зайончковский А. М.—70.

Занфтлебен—10.

Исаков Я. А.—8.

„История Пугачёвского бунта“—60.

Италинский Андр. Яков.—28, 31, 32.

„Капитанская дочка“—35, 36, 60.

Карамзин Алдр. Ник.—73.

Карамзин Андр. Ник.—72, 73.

Карамзин Ник. Мих.—58.

Карамзина Екат. Андр.—73.

Карамзины—23, 24.

Карл Прусский—62.

Каченовский Мих. Троф.—31.

Кеппен Петр Ив.—31.

Коншина Елиз. Ник.—4, 41, 56.

Корб Иоанн-Георг—28, 30.

Корф бар. Мод. Андр.—27, 28, 31.

Кочубей кн. Викт. Павл.—20.

Краевский Андр. Алдр.—28.

Крестова Людм. Вас.—46.

Лёве-Веймар Франсуа-Адольф—40.

Лемке Мих. Конст.—13.

Лермонтов Мих. Юр.—18, 19, 39, 40.

Лернер Ник. Осип.—7.

Лесков Ник. Сем.—13.

Либерман бар.—34—36, 74.

Либрович Сигизмуд—67.

Лойола Игнатий—12.

Лонгинов Мих. Ник.—11.

Лубяновский Фед. Петр.—36.

Меренберг гр. Нат. Алдр.—8, 13.

Метман Луи—71.

Меттерних кн.—19.

Мещеринов—88.

Михаил Павл. в. к.—61, 63.

Мицкевич Адам—41, 66, 67.

Модзалевский Бор. Льв.—6, 7, 14, 15, 18, 22, 32, 47, 85.

Мусия-Пушкин гр. Алексей Ив.—32.

Мусина-Пушкина гр. Эмилия Карл.—34.

Муханов Алдр. Алексеевич—48.

Муханов Влад. Алексеевич—5, 47—51, 55, 64—67.

Муханов Ник. Алексеевич—48, 49.

Муханова Варвара Ник.—49.

„На выздоровление Лукулла“—7.

Наполеон III—69, 70.

Неверов Януарий Мих.—5, 42—46.

- Некрасов Ник. Алекс.—12.
 Нессельроде гр. Дм. Карл.—18.
 Нессельроде гр. Карл Вас.—4, 6,
 17—22, 30, 62, 64.
 Нессельроде гр. Мария Дм.—4,
 6, 17—22, 64.
 Нефедьева Александра Ильин.—
 36—40, 51, 55, 56, 61.
 Нечаева Вера Степ.—5, 84, 85.
 Николай I—34, 43—45, 49—54,
 58, 60, 62—64, 70.
 Норов—37.
 Одоевский кн. Влад. Фед.—28.
 Оксман Юл. Григ.—53.
 Панчулидзе Серг. Алекс.—64.
 „Песнь о Полку Игореве“ см.
 „Слово о Полку Игореве“.
 Петр I—30, 31, 34, 35, 65.
 Петров К.—11, 12.
 „Пиковая дама“—60.
 „Повести Белкина“—60.
 Поляков Алдр. Серг.—7, 18, 21,
 53.
 „Поэмы и повести А.Пушкина“—
 28, 32.
 Прянишников Фед. Ив.—27, 28.
 Пушкин Алдр. Серг.—почти на
 всех страницах.
 Пушкин Сергей Льв.—37, 66,
 67.
 Пушкина Над. Осип.—61.
 Пушкина-Ланская Нат. Ник.—8,
 19, 24, 25, 33, 34, 43—45, 50,
 57, 60, 74, 78, 81, 83, 85, 87,
 92, 94
 Пушкины, дети А. С.—37, 44,
 45, 50, 60, 65, 66, 85.
 Раевский С. А.—40.
 Россет Арк. Осип.—10.
 Россет Клим. Осип.—9, 10.
 Саводник Влад. Фед.—5, 18, 67.
 Свербеев Дм. Ник.—25.
 Свербеева Екат. Алдр.—4, 23,
 25, 29.
 Семевский Мих. Ив.—8.
 Скалон—10.
 „Слово о Полку Игореве“—28,
 31, 32.
 Смирнов Ник. Мих.—10.
 Смирнова Алексан. Осип.—22.
 Соболевский Серг. Алдр.—8, 9,
 14—17.
 Соллогуб гр. Влад. Алдр.—20—
 22.
 Сперанский Мих. Нест.—7.
 Станкевич Ник. Вас.—42, 45, 46.
 Столыпин Алексей Аркад.—18.
 Талейран—34—36.
 Томашевский Бор. Викт.—7.
 Тургенев Алдр. Ив.—4, 7, 8, 23—
 41, 51—56, 61, 66.
 Тургенев Ив. Серг.—46.
 Тургенев Ник. Ив.—26.
 Уваров гр. Серг. Сем.—6, 7,
 57, 65.
 Устимович П.—12.
 Фикельмон гр. Карл-Людвиг—
 34, 35.
 Фикельмон гр. Дарья Фед.—35.
 Хлюстин Семен—88.
 Хомяков Алексей Степ.—48, 56—
 58, 65, 66.
 Цявловский Мст. Алдр.—5, 7, 32.
 Чаадаев Петр Яков.—25.
 Щеголев Паг. Елис.—7, 11, 12,
 15, 26, 36, 40, 51—56, 61—64,
 68, 69, 72, 79, 84.
 Языков Ник. Мих.—25, 57, 66.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
В. В. Гольцев. К истории дуэли Пушкина. Кто был автором анонимных писем?	6
Н. В. Голицын. Из письма А. И. Тургенева к Е. А. Свербеевой от 21 декабря 1836 г.	23
М. А. Цявловский. Письмо А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому от 28 марта 1837 г.	27
Е. Н. Коншина. Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову в декабре 1836 г.—марте 1837.	33
Л. В. Крестова. Из письма Я. М. Неверова к Т. Н. Грановскому от 24 января—2 февраля 1837 г. . .	42
В. Ф. Саводник. Московские отголоски дуэли и смерти Пушкина	47
В. С. Нечаева. Дантес (по материалам Гончаровского архива)	68
Приложения	86
Именной указатель	97

ЦЕНА 1 р.

КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
НИКИТИНСКИЕ
СУББОТНИКИ

МОСКВА, УЛИЦА ГЕРЦЕНА
Д. 10/2. Тел. 4-64-17.